

Эдуард Шим

Сказки,
найденные
в траве

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Эдуард Шим
Сказки,
найденные
в траве

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1972

ЧЕМ ПАХНЕТ ВЕСНА

Мой отец уехал работать в колхоз. Мама сказала:

— Когда запахнет весной, мы тоже поедем.

А я и не знаю, чем пахнет весна. Не запомнил с прошлого года.

Вот стало солнышко пригревать, сосульки плачут на крышах. Небо высокое и голубое.

Я говорю:

— Пахнет весной?

— Нет, — отвечает мама. — Весна только ещё улынулась. Рано!

Вот уже снег сделался грязный, забулькали ручьи на дорогах. Воробьи трещат целыми днями. Откроем форточку — на улице шум весенний.

Я говорю:

— Пахнет весной?

— Нет отвечает мама. — Весна ещё только голос подаёт. Рано!

Наконец растаял в городе почти весь снег. Уже тепло. На перекрёстке весенними цветами торгуют.

Мама купила букетик подснежников. Они синенькие такие, на коротких ножках. Их не срезали даже, а выдёргивали из земли прямо с луковками и корешками.

Мама понюхала подснежники и говорит:

— Вот теперь настоящей весной запахло... Пора ехать!

Я тоже понюхал. Оказалось, пахнут подснежники совсем не цветами. И не зелёной травой да листьями.

Обыкновенной землёй пахнет весна.

ГДЕ НАША ДЕРЕВНЯ?

Сначала мы ехали на поезде, потом — в лобастом новеньком автобусе.

Я забрался на переднее сиденье, смотрю в окошко. Всё жду, когда наша деревня покажется.

Мама сказала:

— Её издалека заметишь!

Но пока не видать деревни. Дорога тянется полями. А поля ещё чёрные, пустые, и везде на них тракторы работают.

Ползёт трактор, а за ним остаются ровные-ровные борозды, словно земля гребешком расчёсана. Я подумал: вот почему настоящая весна пахнет землёй! Потому, что ещё не оделась земля... Только проснулась да причёсывается.

Вдруг далеко, на краю чёрных полей, что-то забелело. Как будто облако спустилось на землю.

Подъехали мы поближе, и я увидел, что это берёзы. Их много, и растут они дружно, широким кругом. Будто хоровод вести собрались.

— Ну, видишь? — спрашивает мама. Чего?

— Да нашу деревню. Во-он, на горке... Издалека светится!
Вот мне смешно стало!
Ищу, ищу свою деревню, а она за берёзами спряталась.

ХЛЕБ РАСТЁТ

Кругом деревни поля ещё голые. А одно поле — будто зелёной краской залито. Такое яркое, такое весёлое, такое праздничное!

Мама сказала:

— Это хлеб растёт.

Зелёные ростки, одинаковые, как родные братцы, кустиками, кустиками торчат. Когда же они успели вырасти?

Мама объясняет: это озимый хлеб. Его под зиму сеяли, прошлой осенью.

Зёрна успели до холодов проклюнуться, прорасти и поднять над землёй кустики нежных зелёных листьев.

Потом их снегом закрыло. И уснули они до поры до времени. Над полем вьюги свистели, морозы студили землю.

А хлеб терпел.

Зябко ему было под снегом, темно. И долго-долго зима не кончалась...

Но дотерпел хлеб, дождался весны. И как только она пришла, сразу ожил, сразу начал расти. Не пропустил первое тепло, не замешкался.

Тянется к солнышку, старается!

Идут люди весёлым зелёным полем, глянут по сторонам, улыбнутся:

— До чего хлеб хорош!

КОГДА СВЁКЛУ СЕЮТ?

Встретился с моей бабушкой колхозный бригадир:

— Я посоветоваться хотел, Анна Степановна. Не пора ли раннюю свёклу сеять?

— Вечером тебе скажу, — отвечает бабушка. — Я ещё в лес не ходила, не знаю.

— Понятно, — говорит бригадир.

А мне ничего не понятно. Ни капельки... Зачем идти в лес, чтобы узнавать про свёклу? И кого там спрашивать?

— Деревья спрашивать, — объясняет бабушка. — Цветы спрашивать, травы... Они скажут, ранняя нынче весна или поздняя. Знак подадут, когда сеять свёклу, когда огурцы.

— Какой такой знак?

— Да они разные бывают, знаки. Вот, — говорит бабушка, — свёклу мы посеём, когда на опушках осина зацветёт. Это лучший срок. А почему? Да потому, что каждому овощу своё время... Свёкла любит не шибко холодную землю и не шибко нагретую. А такая земля бывает как раз в те дни, когда осина цветёт... Развесит осина серёжки, и это нам, огородникам, знак: «Сейте раннюю свёклу!»

Вон, оказывается, какие хитрости.

На лесной опушке — осина, в огороде — свёкла. Не соседи, не родственники.

Но когда сеешь свёклу, про осину не забывай.
Следи, когда она знак подаст.

ПЯТАЧОК И КОПЕЕЧКА

Большие хрюшки на свиноферме живут отдельно от маленьких.

Большие — важные такие, еле ходят.

У них чистота: на полу свежие смолистые опилки, стены белой извёсткой покрашены.

Обед им привозят на вагонетках. Прямо к корытам.

Услышит хавронья: скрипят колёсики по рельсу! Сразу подымается, втягивает пяточком аппетитные запахи. Передаёт соседке:

«Хрю! Обед едет!..»

И плывёт к своему корыту.

А для питья устроены у них настоящие автоматы. Только не с газированной водой, а с обыкновенной. Приделана железная чашка на трубе; свинья нажмёт пяточком — и в чашку польётся вода.

Сколько захочешь, столько и пей...

Забежал к большим хрюшкам глупый маленький поросёнок. Нос у него ещё не пяточком, а копеечкой.

Вот он этой копеечкой понюхал: что большие кушают? Как бы попробовать?

Подкатился к корыту, а оно высокое, не достать.

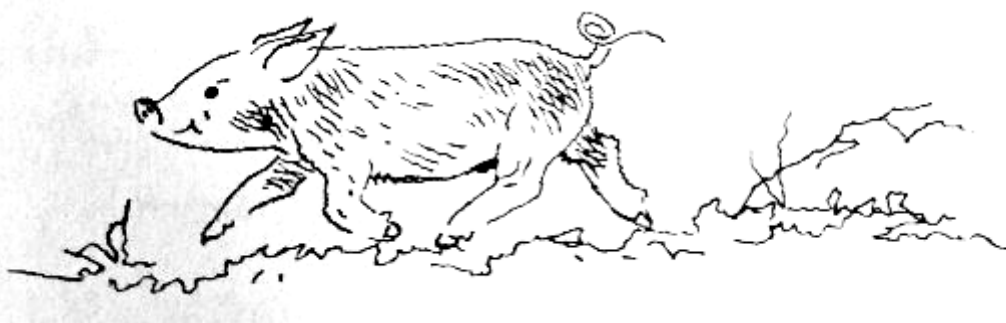
Кушать не дают, так хоть напьюсь! Подкатился к поилке, тычется, тычется, а поилка не отпускает воды. Не для таких носов сделана.

Ах, как плохо, если у тебя не пяточок, а всего копеечка!

Поймали мы глупого поросёнка, отвели обратно к маленьким.

Говорим:

— Не пищи, сиди дома! Тут за копеечку молока дадут!

РАСЦВЕТАЙ, ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ!

Ходили с бабушкой в рощу, приглядывались — не цветёт ли осина?

А осина еще голая. Ни листиков, ни висящих серёжек.

— Бабушка, теперь каждый день будем за осиной следить?

— Для чего?

— А чтобы свёклу вовремя посеять. Чтоб не прозевать!

— Не прозеваем, — говорит бабушка. — Уже видно, что нынче весна — поздняя. Видно, что не скоро деревья оденутся...

— Где видно? А хоть под ногами. Не наступи, вон цветочек жёлтенький перед тобой... Это мать-и-мачеха, первый цветочек в очереди.

— В какой ещё очереди?

— В весенней. Все цветы друг за дружкой цветут. Будто в очереди. Сперва выглянет этот жёлтенький. Через неделю орешник зацветёт-запылит. Через две недели одуванчик распустится, ива свои барашки растопорчит. А через месяц и яблони зацветут...

— Это всё жёлтенький тебе сказал?

— Жёлтенький.

— Ага, значит, на осину-то незачем глядеть?

— На всё надо глядеть, — говорит бабушка. — Очередь-то живая... Этот жёлтенький на припёке распустился, поспешил. А братец его в холодке сидит, так опоздает.

— Кому же верить?

— Своему уму-разуму. На всё поглядывай, всё примечай. Тогда не только свекольные секреты узнаешь. Всю весну впереди увидишь, до самого красного лета!

ТЁПЛЫЕ ШУБЫ

Как пригреет солнышко, так все звери меняют зимние шубы на летние.

И зайцы меняют, и белки меняют, и лисы.

И телята на колхозной ферме тоже снимают зимние шубы.

Я погладил одного рукой, а шерсть так и лезет!

Телятница Нина Петровна дала мне щётку, и я стал помогать телятам снимать шубы.

Вон какой ворох шерсти вычесал...

У нас на ферме телята особенные. Они зимой в холодном телятнике жили, без печки.

Думаете, простудились?

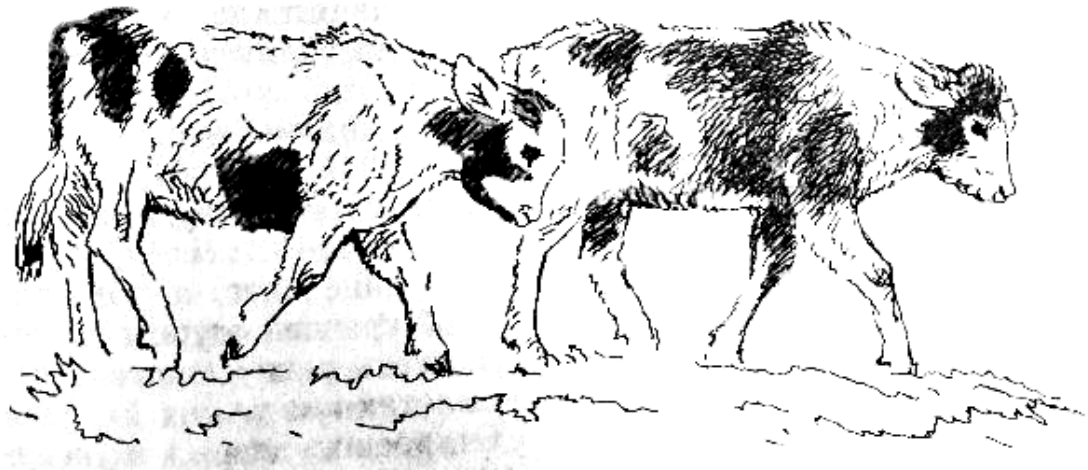
Ни один даже не чихнул.

А шубы у них повырастали такие густые, такие лохматые — прямо как у медвежат.

И теперь наши телята ничего не боятся: ни ветра, ни дождика, ни снега.

Закалённые!

Без телячьих нежностей!

САМОДЕЛЬНОЕ ЛЕТО

Капризничает весна.

То подарит ласковые,
тёплые деньки. А то насупится, дохнёт холодом, закружатся в воздухе белые мухи — снежинки.

Ложатся на траву, на первые ранние цветы мать-и-мачехи. Побелеет земля. Помертвеет. Будто зима вернулась.

Но есть место, где уже наступило жаркое лето. И это место не в дальних краях, не в жарких странах.

Оно рядом, сразу за нашей деревней.

Там уже заросли зелёные выше головы, и летают пчёлы, и жара июльская. Можно в одних трусиках бегать.

Построены около нашей деревни необыкновенные дома. Сплошь из стекла. И крыша прозрачная, и стены прозрачные.

Дома называются — теплицы.

Потому что круглый год в них тепло.

На улице снег, а под стеклянной крышей огурцы поспевают, цветы распускаются, пчёлы вылетают из улья.

Откроешь дверь, и попадёшь в середину лета.

КАК ПТИЦЫ ПОЮТ

У каждой птицы своя песенка.

Каждая песенка на что-то похожа.

Вот синица в чёрной шапочке поёт так, будто капельки в воду роняет: «День, день, день!»

Вот зяблик с пёстрыми крылышками засвистел, будто в дудочку: «Тюрли-тюр-ли-фиу!»

Вот сорока с длинным ступенчатым хвостом застрекотала, будто деревянная трещотка: «Тр-р-р-р!»

А вот жаворонок в поле поёт. Я не знаю, какой он. Так высоко взобрался, что с земли его не увидишь.

И я не знаю, на что похожа его песенка. То принесёт её ветром, то унесёт. Смотрю в небо, жмурюсь от солнца. И кажется мне, что это воздух нагретый звенит.

— Эй, жаворонок! Спустись пониже, дай послушать твою песенку! На что она похожа?

«На колокольчик! На колокольчик! На стеклянный звонкий колокольчик, подвешенный к небу на ниточке!»

КТО ЛЕЧИТ ДЕРЕВЬЯ

Мой дедушка работает лесником.

Стережёт лес от пожаров, очищает от гнилых деревьев и поваленных. Выбирает, какие сосны да ёлки рубить, а какие оставить, чтоб дальше росли.

Однажды мы идём по сосняку. И слышим, как с разных сторон дятлы стучат.

— Вот молодцы! — говорю. — Вот стараются! Я знаю, дедушка: дятлы — это лесные доктора. Спасают лес от вредителей. Правда ведь?

Прислушался дедушка.

— Вон тот дятел, — отвечает, — вправду молодец. Он наверху работает. И вон тот — наверху. А этот ошибся... Смотри-ка!

Перед нами — полянка; посреди полянки бревно, положенное на подставочки. Прилепился к бревну дятел, колотит носом и щепки вниз роняет.

Подошли мы поближе, сорвался дятел и улетел. А я вижу, что всё бревно в дырках, в червоточинах. Из-под коры древесная мука сыплется.

— Это ловушка. Они по всему, лесу расставлены.

— Зачем?

— А вредных жуков да короедов приманивать... Трухлявое дерево им особенно по вкусу. Слетятся с разных сторон, заселят бревно, угнездятся. А мы его — из лесу долой! Вместе со всеми квартирантами!

— Выходит, помогаешь дятлам, дедушка?

— Нет. Я на них свою работу не перекладываю... Конечно, они хорошие доктора. Но деревья всё-таки не дятлы вылечивают. У человека это надёжней получается!

КАРТОШКА, ОТКРОЙ ГЛАЗКИ!

Всю долгую зиму пролежала картошка в тёмном подземелье, в хранилище.

На каждой картошине — точки-ямочки. Будто глазки. И глазки эти были закрыты. Недели спала картошка, месяцы.

Чуть весну не прозевала.

Но тут ей люди помогли — из хранилища вынесли, на солнышке разложили. Показали белый свет.

— Картошка, картошка, открой глазки.

И начала картошка просыпаться. Раскрывает картошка глазки, они фиолетовыми делаются. Таращатся:

— Где я?..

Привезли картошку на поле, погрузили в гремучую машину — картофелесажалку.

Катит сажалка через поле, грохочет:

— Пришёл картошкин срок! Пришёл картошкин срок!..

А картошка опять удивляется:

— Куда это меня?!

В землю тебя, глазастую. В тёплую землю, в рыхлую землю. Не бойся, что там темно, прыгай!

Если глазки открылись, спать не будешь.

Расти начнёшь!

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Кто-то надрубил у самых корней молодую берёзу. Течёт мутный сок, земля под берёзой мокрая.

Дедушка сердится:

— Эх, люди! Руки злые, а голова дурная... Ну, захотелось тебе соку — возьми от старой берёзы, от помеченной, которую всё равно зимой на дрова срубим!

— Дед, а может, у этой, у молоденькой, сок-то послаще?

— Сейчас поймёшь, где он слаще.

Прислонил фляжку под зарубку. Натекло сока, я попробовал — совсем как вода, только не очень чистая.

— А теперь по-другому сделаем. Гляди, на макушке веточка сломанная. Видать, снегом её обломило.

С обломанной веточки тоже падают капли. Щёлкают, разбиваются о землю.

Подставил дедушка фляжку под эти капли. Набралось берёзового сока.

Я глотнул — и даже причмокнул. Такой сладкий, такой вкусный сок! А ведь из той же самой берёзы...

Дедушка спрашивает:

— Ну, стоило топором махать?

— Не стоило, — отвечаю.

— То-то и оно... Если дятел напиться захочет, он у макушки дырочку проколотит. Потому что знает: чем выше, тем слаще сок. Самый сладкий — у маковки... Вот и выходит, что малая птица умней большого дурня с топором!

НЕ ПЕРЕПУТАЕШЬ

Одинаковые домики расставлены в саду под яблонями. Игрушечные домики, мне до пояса.

В них пчёлы живут, и домики называются — ульи.

Утром из каждого домика вылетают пчёлы. Тьма-тьмущая пчёл! Отправляются на работу.

Несут домой пыльцу, сладкий цветочный сок. Делают в домиках мёд — тот самый, который мы любим.

Гудение не смолкает на игрушечной улице: тысячи пчёл улетают, тысячи пчёл возвращаются.

А я никак не могу понять, отчего не заблудятся пчёлы? Отчего не перепутают свой домик с другим? Ведь совсем одинаковые домики! И рядом стоят!

— Наверно, оттого, — говорю, — что у пчелы нюх очень сильный!

— Наверно, оттого, — говорит Санька, — что пчела очень глазастая! У неё два больших глаза да три маленьких!

— Всё верно, — говорит садовник дядя Гриша. — И запахи пчела лучше нас различает. И видит зорче. Вот солнышко тучами закрылось, а пчела его видит. И память у неё хорошая. Не забудет дорогу к дому. Только, кроме этого, ещё отгадка есть.

— Какая?

— Улей-то для пчелы — дом родной... А разве свой родной дом с чужим перепутаешь?

ВКУСНЫЕ КАМЕШКИ

Что едят цыплята?

Я бы раньше ни за что не догадался. Они едят:

и варёную картошку,

и рубленую свёклу,

и тёртую морковку,

и ячмень едят,

и овёс...

А ещё глотают речной песок и гладкие камешки!

Зубов у цыплят нету, жевать нечем. Они камешков наглотаются, и камешками зёрна перетирают.

В общем, жуют пузечком...

У нас на колхозной ферме цыплят много. И они целую кучу песка и камешков съели.

Мы им ещё принесли.

Вку-усные камешки!

ДЛЯ ЧЕГО ТАКАЯ КРЫША

Идём с дедушкой из леса, и вдруг дождик припустил. Куда бы спрятаться?

Пригнул я голову — и скорей назад, на опушку. Сунулся под берёзу — капает! Перебежал под осинку — всё равно льётся!

А дедушка стоит под невысоким деревом. Трубочку свою курит. И видно — ни одна капля не попадает на него, будто он под настоящей крышей.

— Дед, что это за дерево?

— Запомни. Называется — вяз. Глянь, какие листья...

И пригнул веточку.

На ней листья зубчатые, и так они плотно сидят, так хитро разместились, что ни одного просвета. Впрямь, будто сплошная зелёная крыша.

— Деревья-то все разные, говорит дед. — Одно любит в тени расти. Другое — на открытом месте. А вяз особенно любит солнышко, и листья так развернёт, так разместит, чтоб ни лучика не пропустить.

— Значит, у него для солнышка такая крыша?

— Для солнышка. Но и от дождя можно спрятаться!

ДЫМ В САДУ

Вышел я из дому, а над всей нашей деревней — дым. Не пожар ли начался?

Побежал смотреть.

А дым, оказывается, валит из колхозного сада. Ночью стукнул заморозок, и, чтоб деревья не пожгло, наш садовник развёл костры.

Окутались дымом деревья, будто в пуховые платки завернулись. И перетерпели холодную ночь.

Сейчас догорают костры.

Солнышко выглянуло, воздух теплеет. Звенят в саду пчёлы, перелетают с одного розового цветка на другой.

Садовник дядя Гриша посмеивается:

— Это они считают, сколько яблок уродится в саду!

Я спрашиваю:

— Ну и сколько?

— Да вот, — говорит, — уже неделю считают, а сосчитать не могут...

Вот будет у нас урожай!

КОЗА И КОЛЫШЕК

Есть у нас коза Матрёна.

Я уже этой Матрёны не боюсь, хотя она очень рогатая и нахальная. Чуть зазеваешься, она тебе и наподдаст... Исподтишка действует.

Дедушка говорит:

— Отведи Матрёну к оврагу. Привяжи, пусть пасётся.

Нашёл я на дворе колышек. Забил его в землю, привязал Матрёну.

Через неделю смотрю — из колышка, забитого в землю, показались живые веточки с листьями!

Начал расти колышек!

Дедушка говорит:

— Это ива... Очень живучее дерево: сучок воткнёшь — сразу начинает расти.

Я поглядываю на веточки с листьями, радуюсь. Надо же — из мёртвого колышка вырастет дерево. Как в сказке!

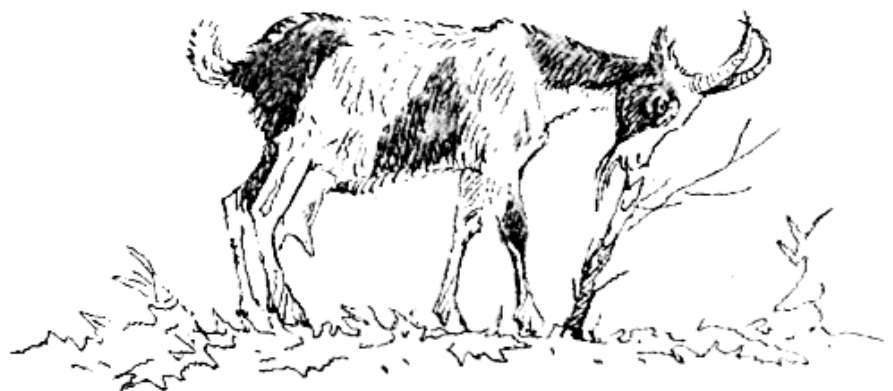
Через неделю смотрю — снова голый и мёртвый колышек... Пропали веточки, листья исчезли.

Дедушка говорит:

— Не сообразил, куда они девались?

— Не-а!

— Матрёна съела.

ТОЖЕ НАДО УМЕТЬ

К бабушке моей пришла напуганная соседка Зина, Она птичницей работает.

— У нас, — говорит, — несчастье!

— А что стряслось?

— Да индюшата заболели. Есть не хотят!

— Давай поглядим, — сказала бабушка.

Я тоже за ними увязался. Мне интересно — как собирается бабушка лечить индюшат?

По дороге бабушка расспрашивает:

— Когда вылупились?

— Утречком.

— Чем кормите?

— Кашей на простокваше. И яйцом варёным. Только не хотят!..

На ферме, в отдельной загородке, под электрической лампой сидят индюшата. Сбились в кучку, попискивают. Жалобно-жалобно, будто хнычут.

Перед ними на чистых дощечках каша разложена.

— Где это видано, — бабушка говорит, — отказываться от каши на простокваше?

Взяла в руки индюшонка, посадила перед дощечкой, согнутым пальцем постучала по дощечке: тюк-тюк!

Насторожился индюшонок. Головой завертел.

Бабушка опять согнутым пальцем по дощечке: тюк-тюк.

Тогда индюшонок тоже попробовал тюкнуть. Разок, ещё разок... И вдруг как застучит по дощечке! Как начнёт клевать!

— Ну, подсаживайте к нему остальных, — сказала бабушка. — Теперь все научатся кашу есть.

ЧТОБЫ СТОЯТЬ КРЕПКО

Нашёл я в канаве дубочек. Махонький!

Кривой прутик, на нём два листа, как зелёные ладошки.

Пожалел и его. Не вырастет здесь, думаю, затопчут его или коза Матрёна съест.

Говорю дедушке:

— Выкопаю этот дубочек и пересажу, хорошо?

— Хорошо, Только дуб пересадки не любит. Копай глубоко, чтобы корешки не порвать и не повредить. Сил не жалеи!

А какие тут особенные силы нужны? Это не дерево ещё. Даже не хлыстик. Почти травника.

Нажимаю ни лопату, откидываю землю от дубочка. Много земли откидал, а корень в глубине сидит, не показывается.

Нажимаю на лопату, большую яму вырыл, а корень не кончается, уходит вглубь.

Вот я уже по колени в яме очутился, на руках мозоли набил. Устал, и лопата сделалась тяжёлой...

А конца корню не видать.

Пришёл дедушка, взял у меня лопату, принялся копать сам.

— Дед, зачем такому махонькому дубочку такой длинный корень?

— Чтобы стоять крепко!

ЖУК НА НИТОЧКЕ

Майские жуки обгрызают листочки на деревьях. А личинки майских жуков, жирные гусеницы такие, обгрызают у деревьев корни.

В общем, вредят как могут.

Мы этих майских жуков ловим хитрым способом.

Рано утречком, пока ещё прохладно, жуки не летают. Сидят на молоденьких берёзках, оцепенели.

Тряхнёшь деревцо — и жуки вниз посыплутся, только собирай.

Вот мы их собираем в ведро, а один мальчишка взял жука и привязал на ниточку. Поиграть захотел.

Жук согрелся, ожил, попробовал взлететь, а ниточка не пускает.

Крутится жук на ниточке. Мы хохочем, нам весело.

Вдруг дедушка как крикнет:

— Сейчас же бросьте! Нашли забаву!

Мальчишка, который жука привязал, даже обиделся.

— Это же вредитель, — говорит.

— Знаю, что вредитель!

— Чего же вам жалко?

— Мне, — отвечает дедушка, — тебя жалко!

— Меня?!

— Тебя. Хоть ты не жук, а человек.

— Чего же меня жалеть, если я человек?

— А разве будет хороший человек кого-нибудь мучить для забавы? Даже

таких вот жуков. Даже вредителей!

ПРО БОДЛИВЫХ И ПУГЛИВЫХ

Мы ходим ухаживать за телятами. И Нина Петровна, телятница, нам сказала:

— Вы их не пугайте, пожалуйста. Не сердите, не обижайте!

Мы говорим:

— Что вы, Нина Петровна, разве мы обидим!

— А это, — говорит, — можно сделать нечаянно. Сам не заметишь, как обидел... Вот, — говорит, — бывает корова злая, бодливая. Или такая, что всего пугается. Или нервная очень, беспокойная. Замечали небось?

— Замечали.

— Пастух обижается на таких коров. А обижаться не надо, эти коровы — несчастные.

— Даже самая бодливая — несчастная?

— Даже самая бодливая.

— Так она же бодается!

— А почему? Растили бы её нежно, ласково, так и выросла бы она ласковой... Ей бы и в голову не пришло бодаться!

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ПОЛЯНКИ

Ходишь в лес и всякий раз удивляешься: «Ага, раньше я этого не заметил! Ага, этого не видел! И это пропустил!..»

Вот полянки в лесу. Самые обыкновенные. Похожи одна на другую, как сёстры-близняшки.

Но если почаще наведываться, то заметишь, что полянки- то не близнецы: совсем не похожи друг на дружку.

Они разноцветные.

На первой, окружённой старыми елями, распустились незабудки, и стала полянка голубым голубая.

На второй, солнечной поляне, расцвела липкая голенастая гвоздика, и стала вся полянка румяно-розовая.

Третья полянка — белая от ромашек.

Четвёртая — сиреневая от колокольчиков.

Здесь полянка расцветает, там гаснет, меняет краски. Вот опять перемена. Опять...

Был бы я сказочник, сочинил бы сказку. Про то, как сёстры-полянки надевают цветные платья, красуются в них, спрашивают:

— Я ль на свете всех белее?

— Всех румяней?

— Голубее?

ВСЁ УМЕЮТ САМИ

Гусята очень быстро растут.

Их не надо обучать кашу есть. Не надо учить плавать. Они самостоятельные.

Вот недавно выклюнулся гусёнок из яйца, а, глядишь, уже плавать умеет. Качается на волнах, как лодочка.

Вот ещё немножко подрос — и, глядишь, нырять умеет. Да как ловко-то: плюх! — хвостик свечкой.

Нырнул, достал со дна клочок зелёной тины и съел.

Утром гусята сами ковыляют на речку, вечером сами приходят обратно на ферму. Без провожатых.

Птичницу тётю Наташу по голосу узнают. Принесёт она чего-нибудь вкусенького, позовёт: «Теги, теги!..» Наперегонки кидаются к ней гусята.

А на другие голоса не обращают внимания.

Я похвалил:

— Ишь какие умные!

А они ещё немного подросли и драться научились. Да как больно-то!

— Вы чего щиплетесь, гусята?

— Защищаемся! Сами!

КТО КОПАЕТ ГРЯДКИ

На лесной поляне — кучки рыхлой земли. Будто маленькие грядки.

Можно вообразить, что сюда приходят лилипуты. И когда нет людей, они копают свои маленькие грядки. И сажают на них свои крошечные деревья. Потому что на каждой такой кучке растёт берёзка ростом со спичку. Или сосенка с тремя зелёными иголочками, похожими на паутинки.

Но я теперь знаю, кто здесь копает землю. Сам видел.

Иду через поляну, вдруг впереди трава зашевелилась. Я замер. А там земля стала вспучиваться, подыматься холмиком.

Показались две широкие лапки с когтями, мокрый нос...

Ну конечно, это крот.

Рыл под землёй свою нору, выглянул на белый свет. Опять в глубину нырнул.

А на поляне осталась свежая кучка земли. Как маленькая грядка.

Летят с деревьев семена, упадут на вспаханную землю. И вырастет здесь берёзка или сосенка.

ПОСЛЕ ГРАДА

Вдруг — туча над деревней. Лохматая, мутная, вся клубится. Потемнело кругом, дождь на деревню рухнул. И сразу что-то забелело на земле, запрыгало...

Град! Град!..

Крупней гороха скачут ледяные камешки. Бьют по листьям, по траве. Бьют по грядкам в огороде, где мы посеяли огурцы, свёклу, редиску...

Что делать? Не закроешь грядки. Не заслонишь.

Сколько мы работали с бабушкой, как старались... Придёт бабушка с огорода и охает: спина болит. И даже у меня на руках мозоли. Правда, мы очень старались, очень!

А теперь побьёт и огурцы, и свёклу, и редиску. Всю нашу работу погубит...

Я на крыльцо выскочил, чуть не плачу. Охает позади меня мама. Дед ругается.

Одна бабушка сидит спокойно. Будто не жалко ей наших трудов.

Вот оборвался град, перестало стучать по крыше. Утянулась грязная туча за озеро, за леса...

Встала бабушка, подпоясалась. Надела галоши резиновые.

— Ты куда, баб?

— Собирайся. Нечего горевать, нечего плакать... Идём огород пересевать!

КАК ПАСУТ КРОЛИКОВ

Подарили мне двух кроликов.

Сначала я обрадовался. Такие занятные кролики! Уши враспырку. Хвостик — как меховая помпощка. Скачут, почёсывают лапой за ухом. Очень с ними интересно!

Па другой день я радовался поменьше. На третий — ещё меньше.

А потом хоть обратно этих кроликов отдавай!

Днём вынесу их на лужайку, чтоб погуляли, так один направо стрельнёт, другой — налево.

— Эй, вы куда?!

— Не видишь, что ли? В разные стороны!

Запру их на ночь в сарае, так они под стенку подкапываются.

— Эй, что вы делаете?!

— Всё равно убежим!..

Вот неслухи-то! Вот безобразники!

Выручил меня приятель Санька. Принёс кроличью клетку — лёгкий такой, просторный домик. Вместо пола там натянута редкая железная сетка.

Клетку поставили на лужайке. Сквозь проволочную сетку трава просунулась. И пасутся кролики в собственном доме, не вылезая на улицу. Сгрызут всю траву, переставим домик на новое место.

— Что, кролики, перехитрили мы вас?

— Да, теперь не подкопаешься!

СКОЛЬКО РЫБЫ В ВЕДЕРКЕ

Бежим с Санькой рыбу ловить. На плечах — удочки, в руках — ведёрки. Вдруг около самой речки попалась низинка, залитая водой. Мы по ней зашлёпали, а вода как закипит! Как забрызжет что-то из-под ног! Мальки. Рыбья мелочь. Совсем крохотные рыбёшки, похожие на сапожные гвоздики.

Откуда они взялись в луже, посреди луга?! А вот откуда. Речка весной разольётся, затопит луга. Потом схлынет обратно. А в низких местах, в ямах вода останется.

И останется рыба, не успевшая скатиться назад в речку. Теперь её погибель ждёт. Летом высохнут ямы, выпьет солнышко воду. И — конец...

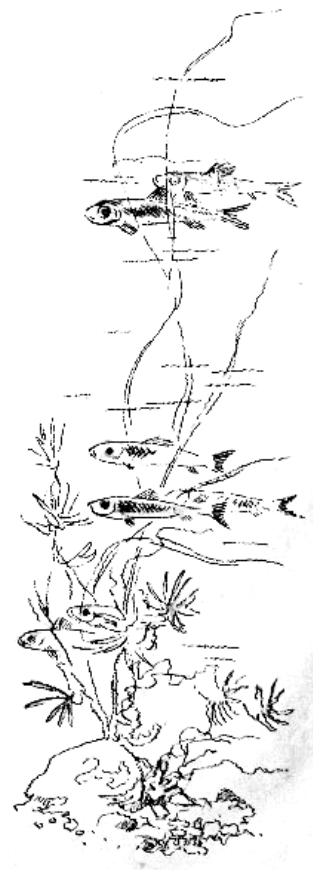
Чтобы спасти рыбу, ребята вместе с учителем Сергеем Степановичем берутся за лопаты. Прокапывают канавки, по которым убегает вода в речку вместе с рыбёхами. А если яма далеко от реки, вычерпывают ведрами. Вот и наши ведёрки пригодились. Санька черпает:

— Ловись, рыбка, большая и малая!

Я ношу к речке и выливаю:

— Плыви, рыбка, большая и малая!

Никогда в моём ведёрке такого улова не было. Может, тысяча рыбин в ведёрке. Вырастут — на грузовике не увезёшь!

СТРАШНАЯ ПАЛКА

Оказывается, ворона — хищник! На моих глазах цыплёнка заклевала и унесла...

Рядом люди ходят, шумно в деревне. А ворона разбойничает у всех на виду!

Да ещё мало одного цыплёнка. Опять на берёзе сидит, второго высматривает.

Я кричу, кулаком грожу — хоть бы хны! Камнем швырнул — даже не встрепенулась, будто заранее знала, что мне не добросить!

— Ах ты, — говорю, — такая-сякая! Неужели ничего не боишься?

Приятель Санька улыбается:

— Смотри.

Схватил палку и прицелился в бесстрашную ворону, будто из ружья.

Как ворона шарахнется прочь! Да без оглядки за деревья, за крыши! Перо из хвоста потеряла!

— Можно ещё смешней, — говорит Санька. — Вон чучело на огороде. Дай ему палку, пускай целится!

Так и сделали.

Торчит на огороде вооружённое пугало. Держит страшную палку.

Не знаю, что дальше выйдет, но пока цыплята в безопасности.

Ни одной вороны близко не видать.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РЕДИСКА

Бабушка сеет редиску. Я говорю:

— Эта половина грядки — твоя. А эта — моя! Посмотрим, у кого лучше редиска вырастет.

Бабушка старается, и я стараюсь. Бабушка для каждой семечки делает пальцем ямку, и я делаю. Бабушка поливает, и я таскаю воду. Не хочу отставать!

И вот мы видим — взошла редиска, завязывается у неё корень узелком. Толстеет узелок: вот с горошину, а вот уже с пуговицу.

— Пора дёргать редиску да кушать, — говорит бабушка, — пока она нежная.

— Свою дёргай. А моя пускай дальше растёт!

Толстеет редиска.

А я поливаю, я пропалываю... Вырастет, думаю, с кулак величиной, тогда все ахнут!

— Пора додёргивать редиску, — говорит бабушка. — Пора доедать, а то перерастёт.

— Свою додёргивай. А моя пускай всех перерастает!

Опустела половина грядки. А на моей половине дремучие редискины заросли. Только почему-то вытянулись над листьями стебли.

Зацвели белыми звёздочками. И корень больше не толстеет...

Выдернул я одну редиску. Ай-яй, корень у неё кривой сделался, шершавый, в трещинах... И жёсткий, как деревяшка!

— Понял теперь? — спрашивает бабушка.

— Понял.

— А чего ты понял?

— Понял я, бабушка, что каждому овощу своё время.

— Нет, ты не всё понял.

— А чего же ещё?

— Не жадничай, внучек, не жадничай!

ПОДОРОЖНИК

Отгадайте, что за доктор Айболит у дороги сидит?

Подорожник.

Трава такая незаметная. И незаметная, и терпеливая, и живучая.

Растёт где придётся. На булыжной дороге, между камней. На сухой утоптанной тропинке, где земля растрескалась.

Наступишь на него — вытерпит.

Проедет по нему тележное колесо — вытерпит.

Грузовик по листьям прокатит — всё равно вытерпит. Приподнимутся листья, расправят жилочки, разглядятся.

Сам себя лечит подорожник.

А недавно я ногу поцарапал, и заболела у меня нога.

— Подорожник, вылечи!

— Давай вылечу.

Сорвал я листик подорожника. Приложил к больному месту.

И всё зажило.

ПАСТУХ И ОВЦЫ

Санька пасёт раздетых овец около деревни.

Овец недавно постригли, они теперь зябнут, их нельзя угонять далеко. Хлынет дождь — надо их сразу под крышу, чтоб не простудились.

Старые овцы ходят смирно, траву хрумкают. Не разбегаются, не своевольничают. И только вздыхают тяжело, будто жалеют о своих шубах.

А маленькие ягнята, конечно, ещё нестриженные. Все курчавые, лохматые. Суется, как заводные игрушки, приплясывают, толкают стариков под бока.

Или бодаются. Встанут столбиками друг против дружки, покачаются, потом лбами — стук! И опять нацеливаются...

Я помогаю Саньке, сгоняю разбежавшихся ягнят:

— Ишь, безобразники! Перестаньте драться!..

Санька посмотрел на меня и говорит укоризненно:

— Они не дерутся.

— А что же они делают?!

— Играют. Они ещё дети!

Очень серьёзно ответил мне Санька. Солидно так, будто взрослый.

— Они же, — говорит, — дети...

А самому пастуху Саньке на днях исполнилось девять лет.

НАДО ВЫРУЧАТЬ

Птенцы в скворечниках пищат наперебой. Да не только в скворечниках — и под крышей, где воробьиное гнездо, и за наличником у окна, где поселилась мухоловка.

Пищат наперебой и уже начали выбираться из гнёзд. Матерям хлопот прибавилось: надо за всеми следить, созывать, чтоб не потерялись, всех летать научить!

Одного несчастного воробьишку мы выловили из бочки с водой. Летел с крыши да и плюхнулся.

Мухоловкин птенец забрался к нам в комнату. Попискивает, есть просит. А мамаша боится в дом залететь...

А вот ещё один птенец. Трясогузкин сын.

Стоит посреди дороги, качается. Лапки ещё крепко не держат. И рот ещё жёлтый. И вместо хвоста торчат какие-то мокрые ниточки.

По дороге коровы ходят, лошади. Грузовики проезжают. Страшно!

Только ничегошеньки не боится трясогузкин сын.

Как будто он главный на этой дороге. И все обойдут его и объедут.

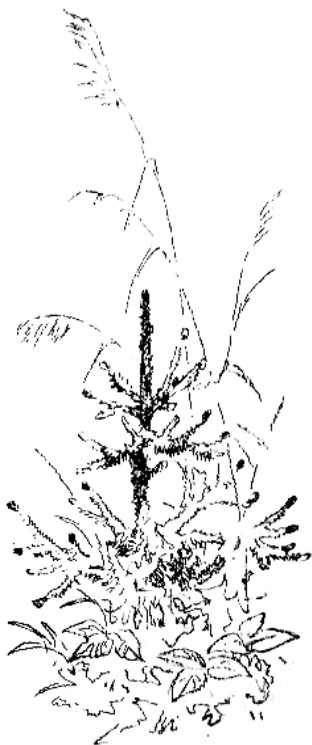

Качался, качался — плюх! — свалился в тележную колею. Ну как теперь выбраться?

— Никак.

— Ладно, выручим тебя, несмышлёного.

МАЛЕНЬКИМ — ХОЛОДНО

Встречаешь в лесу, в траве, ёлочку-малышку. У неё пожелтела маковка, пожелтели верхние лапки. Будто в огне обгорели.

— Ёлочка, разве был тут пожар?

— Не было.

— А что же случилось?

— Меня зимним морозом обожгло.

— Тебя?! Ёлку?!

— Меня.

— Да ты же северное дерево. Стойкое! Выносливое! Неужели ты мороза боишься?

— Пока маленькая, боюсь.

ЧЕГО ХОЧЕТ ЛУК

Лежали на подоконнике луковицы в жёлтых шёлковых рубашках. Потом высунулись из каждой луковицы зелёные клювики.

Бабушка говорит:

— Гляди, лук в землю просится. Посадим?

Пошли мы на огород, вскопали грядку, посадили луковицы в землю.

Растут луковицы. Растопорщили над грядкой блестящие зелёные перья.

Бабушка говорит:

— Гляди, лук воды просит. Напоим его?

Взяли мы лейку, натаскали воды, полили грядку с луком.

Растёт лук дальше. Теперь уже видно: там, где была одна луковица, сидят несколько штук.

В одном гнезде — три луковицы, в другом — четыре, а вот целых пять штук!

Созревает лук. Появились длинные перья, пожелтели.

Бабушка говорит:

— Гляди, лук из земли просится. Выкопаем его?

Взяли мы лопату, взяли большую корзину. Копаем лук.

Доверху наполнили корзину крепкими, молодыми луковицами в шёлковых рубашках.

Взяла бабушка одну луковицу, отнесла на кухню. Чистит её и вот плачет, вот слёзы вытирает!

— Бабушка! Теперь-то лук куда просится?

— Теперь он на стол просится!

— Так чего же ты плачешь?

— А мне жалко его, ненаглядного!

КРАСАВЕЦ КОНЬ

Вывели на двор возле фермы невиданного коня.

Вот это конь!

Грудь — как у автобуса. На спине — как на печке: хоть вдоль ложись, хоть поперёк. Крепкие ноги — в мохнатых чулках.

Конь бежит — земля дрожит!

А цвет у коня — жёлтый, как у речного песочка; грива и длинный хвост — коричневые. Глаза — голубые.

Красавец конь!

Я думал, его просто так вывели, покрасоваться. Не представишь даже, что такого замечательного коня можно в телегу запрячь.

А конюх говорит:

— Это у нас работающий конь. Такие грузы таскает, что двум автомобилям не поднять!

Скоро я убедился, что это верно...

Повели коня на речной берег, чтоб искупать. А на берегу случилась беда: трактор завяз. Да в неудобном месте, на крутизне. Вот-вот в речку свалится.

Поскорей запрягли коня в трактор.

Поднатужился конь, упёрся широченными копытами в землю. Копыта — как тарелки.

Тянем-потянем!

И вытянул трактор на дорогу.

ПОСЛУШНЫЙ ВЕТЕР

Дни жаркие, солнце печёт.

От горячего ветра земля сохнет.

Огурцы на огородах привяли, «уши повесили», как моя бабушка говорит.

— Это непорядок! — заявил бригадир. — Нехорошо! Что же ты, ветер, балуешься?

На горке, возле огородов, стоит высокая мачта. На ней колесо с крылышками. Это ветродвигатель.

Пошёл бригадир и запустил его.

Завертелось от ветра бегучее колесо, запыхтел насос. Качает воду из речки.

Бежит по трубам вода — прямо на огороды.

Чем сильнее дует ветер, тем шибче бежит вода. Льётся в борозды, разбрызгивается самодельным дождиком.

Огурцы уши подняли.

Нравится им купанье.

Огороды у нас просторные, грядок много, огурцов — не пересчитаешь. А ветер всех напоил.

— Вот теперь ты молодец, — сказал ему бригадир.

И остановил двигатель.

МУРАВЕЙНИК

Сижу на корточках перед муравейником. Смотрю, как суетятся муравьи, похожие на капельку смолы, перевязанную посередке ниточкой.

— Что поделываете, муравьи?

— Дом ставим.

— Как вы его ставите?

— К лесу задом, к солнышку передом.

И вправду: повёрнут муравейник своей широкой стороной к солнцу. Чтоб теплей было в доме. Вот хитрые!

— Муравьи, что вы тащите?

— Хвоинки тащим. Палочки. Чешуйки от шишек.

— Зачем они?

— Крышу покрыть. Чтобы дождик не промочил.

И вправду: все чешуйки да палочки аккуратно на крыше уложены. Со смыслом. Не протечёт вода в дом. Вот мастера!

— Убери ногу! — сказал муравей.

— Чего?!

— Убери, говорю, ногу с моей тропинки! Не видишь, мне тяжело?

Гляжу — тащит муравей гусеницу. Впятеро себя больше.

— Зачем тебе гусеница?

— Да убери ты ногу! Нам обедать пора!

КАКОЙ БУДЕТ ДЕНЬ

У нашего крыльца ползучая травка-мокрица — совсем незаметная травка, сорняк.

А я выхожу утром и спрашиваю:

— Ну, какая будет погода?

И смотрю на травку-мокрицу.

Если белёдые, невзрачные её цветочки закрыты — значит, будет дождик.

А если цветочки раскрыты и тоже глядят на меня — значит, мокрица отвечает:

— Будет денёк солнечный!

ДРУГАЯ ПЕСНЯ

Что за птица противная шипит по-змеиному? Надоела!

— Хоть отвязалась бы ты!..

Мы с приятелем Санькой продираемся через кусты на речном берегу. Тут сыро, топко. Жижга под ногами чавкает. Ветки царапаются. И эта пичуга из себя выводит: перепархивает рядом, хвостом дёргает. Пискнет и зашипит, как змея. Пискнет и зашипит! И цвет-то у неё противный. Бурый какой-то, тусклый. Будто в грязи вывалялась.

— А ведь это соловей, — сказал Санька.

— Да ну тебя!.. Скажешь тоже!

Соловья-то я слышал. Целыми вечерами поёт, а иногда и днём. Да как поёт! Свистит громче любого мальчишки, пощёлкивает, разливаётся, трели запускает... Недаром зовут лучшим певцом! А эта пичуга-замарашка будто охрипла. Колесо намазаное.

— И всё-таки это соловей, — уверяет Санька.

— Чего же он не поёт-то по-соловьиному?

— Наверно, гнездо близко.

— Ну и что?

— Он волнуется. Переживает. Страшно ему... Вечером пел от радости, а сейчас песня другая.

КАША РАСТЁТ

Взошла на поле травка с неширокими листиками. Они шероховатые, с зубринками. Сердитые — не даются погладить!

Росла, росла травка. Выдвинулся кверху колосок.

Колосок невысок, но зато колючий да усатый.

Наливаются зёрна в колоске, а усы вытягиваются, усы топорщатся.

— Ты кто, бравый да усатый?

— Ячмень!

— Ах, ячмень! Тогда я про тебя слышал. Мне про тебя рассказывали!

Растёт ячмень и на дальнем холодном севере.

Растёт и на жарком юге.

И высоко в горах растёт. Выносливый!

Поспеет ячмень, обмолят его. Зёрнышки очистят в машине до гладкости, до жемчужного блеска.

И тогда выйдет... Ну, догадайтесь, что выйдет?

Перловая крупа!

А если зёрнышки раздробят-размельчат, выйдет крупа ячневая.

Хороши каши из этих круп: и вкусны, и сытны, и сил прибавляют едокам.

Растёт ячмень, наливаются зёрна, усы brave — торчком.

Эй, ребята, готовьте большие ложки!

ВЕНИКИ ДЛЯ МАТРЁНЫ

Когда дедушка идет с работы, обязательно несёт домой несколько веников. Полезет на чердак, повесит их под крышей, чтобы сохли.

— Дед, зачем столько веников?

— Козе Матрёне.

— А зачем они козе?

— В бане париться.

Я понимаю, что дедушка смеётся. Но всё равно спрашиваю. Любопытно же: для чего такая уйма веников?

Вчера дедушка пришёл совсем поздно. Не полез в темноте на чердак, веники повесил на заборе.

Утром глядим: коза Матрёна доедает последний веник. Ухитрилась дотянуться до забора, сдёрнуть веники. И все обглодала начисто.

Тут я вспомнил, как Матрёна любит ощипывать придорожные кусты. Вспомнил, как забил в землю ивовый колышек, из него выросли ветки, а Матрёна их сгрызла...

Вот для чего сохнут веники на чердаке! Матрёне на зиму пропитание...

Теперь и я тащу веники, когда возвращаюсь из леса. Карбкаюсь на чердак, развешиваю.

Дед увидит, спросит:

— Зачем столько веников?

— Козе Матрёне.

— А зачем они козе?

— В бане, — говорю, — париться.

ВАСИЛЬКИ НА ПОЛЕ

Деревенские девчонки надевали на головы венки. Замечательные венки из голубых васильков.

И тащат домой букеты из этих васильков. Прямо охапки. Нет, не к празднику девчонки готовятся. И не нарочно за васильками ходят.

Девчонки с работы возвращаются. С прополки.

Весь день выпалывали разные сорняки. Я уже знаю, что это за работа. И пальцы обдерёшь об колючую траву, и спина заболит, и семь потов с тебя сойдёт...

Устали девчонки.

А всё-таки не выбрасывали васильки, которые в сорной траве попадались. Жалко такую красоту выбрасывать.

И вот сплели венки, надели на головы. Букеты тащат.

И уже не выглядят уставшими, и лица весёлые. И походка бойкая. Переглядываются, пересмеиваются.

Будто не с работы, а с гулянья идут.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДОМ В ДЕРЕВНЕ

Отец со своей бригадой строит новый дом. Самый лучший в деревне.

Будут в доме большие комнаты.

Будут двери во-от такой ширины!

Будут окна во-от такой вышины!

Уже сейчас видать, какой просторный, какой светлый, какой нарядный дом получается...

— Эта стройка, — отец говорит, — самая важная, самая ответственная. Эта стройка самая срочная. Непременно должны к первому сентября закончить.

Что ни день — выше стены.

Что ни день — веселей топоры стучат и пилы звенят.

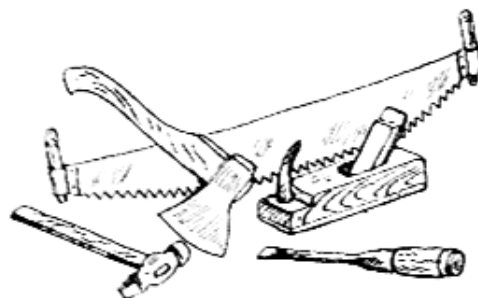
Что ни день — привозят грузовики железо для крыши, доски для пола, стёкла для окон.

Вот уже и вывеску принесли.

Прилаживают над входом.

Что же за дом, самый лучший в деревне?

ШКОЛА.

КАКИЕ УПРЯМЫЕ!

Бабушка пропалывает грядки на огороде. Выдёргивает седую лебеду, выдёргивает ползучую травку-мокрицу. Выдёргивает и одуванчики с длинными и толстыми корнями, как у морковки.

Целая охапка одуванчиков набралась.

Бабушка положила её на дорожку, ушла в дом. И забыла.

День проходит. Одуванчики, которые лежали ничком на дорожке, подняли зубчатые листики, подняли золотые шапочки.

Встали торчком на дорожке. Как будто всегда здесь росли.

Пошла бабушка на огород, наткнулась на забытые одуванчики. Руками всплеснула.

— Вот, — говорит, — упрямые какие! Всё равно цветут!

И отнесла их под забор, бросила в мусорную кучу.

День проходит, второй проходит. Одуванчики, которые лежали на куче вниз головами, стали приподниматься. Всё выше и выше задираются золотые шапочки. Всё выше и выше.

И вот совсем поднялись над кучей. Как будто всегда здесь росли.

А бабушка опять про них забыла. И когда снова пришла к забору, одуванчики уже отцвели. Вместо золотых шапочек торчали теперь пушистые шарики. И отрывались от них пушинки с крохотным семечком и уплывали по воздуху.

Сеялись на дороги, на тропинки...

И на бабушкины грядки.

НА ВСЕ РУКИ, НА ВСЕ КОЛЕСА

Нашего соседа, Василия Ивановича, все очень уважают. Он тракторист.

Ездит на новеньком тракторе с большими резиновыми колёсами.

Но ведь не просто так ездит?

Я спрашиваю:

— Дядь Вася, что вы делаете на тракторе? Какую такую работу?

— А это, — говорит, — не сразу объяснишь. Посмотри сам, — говорит.

Однажды смотрю — дядя Вася ведёт свой трактор, а сзади прицеплена тележка.

Везёт дядя Вася мешки с картошкой.

Потом вижу — прицеплен к трактору блестящий плуг, и дядя Вася пашет землю в саду.

Потом вижу — на тракторе спереди торчит зубастый ковш, и дядя Вася копает этим ковшом канаву.

Потом я видел, как дядя Вася выдёргивал своим трактором здоровенные пни на вырубке. Потом обрызгивал яблони каким-то лекарством, чтобы они не болели. Потом сеял на поле свёклу. Потом сено косил на лугах. И сгребал это сено в кучи.

А потом я поверил, что невозможно сосчитать все работы, которые делает Василий Иванович на своём тракторе.

Потому что дядя Вася на все руки мастер.

А его трактор — как это сказать? — на все колёса мастер.

И совсем я не удивлюсь, если дядя Вася будет на своём тракторе яблоки собирать или одуванчики пропалывать на грядках. Или цветики-цветочки сажать.

УТЯТА ПОД ЗОНТИКОМ

Желтые пушистые шарики и кучку сбились, дрожат, пищат.

— Вы чего, утята?

— Дождик закапал!

— Ну и пусть.

— А нам страшно!!

— Да вы же утки! Водоплавающие птицы! Ваше дело - нырять да плескаться, а вы дождя испугались!

— У нас пёрышек ещё нету! Один пушок! Он намокнет, и мы простудимся и заболеем!

— Вот те на!.. С зонтиком, что ли, вас на прогулку-то выпускать?!

— С зонтиком! С зонтиком!

— Погодите, не пищите. Дайте подумать.

Не стали мы делать каждому утенку по зонтику.

А взяли и сколотили на берегу пруда плотный нанес из дощечек.

Под ним всегда будет сухо.

— Получайте, утята, зонтик. Один на всех!

«Я ДОМОЙ ПРИШЛА...»

Вечером возвращается в деревню стадо.

Пыль стелется над дорогой.

Тяжело ступают коровы раздвоенными копытами. Тяжело качаются животы раздутые.

У калиток хозяйки стоят с кусками хлеба. Зовут своих коров:

— Зорька, Зорька!..

— Полянка, Полянка!..

Отвечают коровы издали:

— Му-у-у-умм...

Каждая корова откликается своей хозяйке. Так и чудится, будто говорит: «М-м-молока мно-ого!..»

Наша коза Матрёна тоже умеет отзываться на хозяйкин голос.

Гоню Матрёну по улице, а у калитки ждёт бабушка с кусочком хлеба.

— Матрёша, зовёт, — Матрёшенька!..

— Ме е-е!.. — отвечает Матрёна. — Я домой пришла, молока принесла...

КАК РАСПУСКАЕТСЯ МАК?

Вот так распускается мак.

Рано утром среди седых, вырезных листьев на мохнатом стебле качается большой зелёный бутон. Тоже весь мохнатый, в капельках росы.

И вдруг ты видишь, что бутон лопнул. Сию минуту. Зелёные створки раздвигаются, проглянула между ними розовая полоска.

Она делается шире, шире...

Щёлк!

Зелёные створки опали на землю.

Всё это происходит на твоих глазах!

И уже не зелёный бутон качается на стебле, а будто комочек розовой папиросной бумаги. Смятый комочек.

Но вот комочек начинает оживать, пухнуть, расправлять складки. Разглаживаются лепестки, выгибаются... Краснеют. Наливаются жаром.

И вот уже огненная чаша раскрылась на стебле. Внутри неё лежит чёрный уголёк.

Сияет огненная чаша. Боишься её тронуть — пальцы обожжёт!

А однажды вечером, опять на твоих глазах, — щёлк! — отвалился один лепесток, ещё один, ещё...

Лежат на земле. Темнеют. Остывают.

Вот так гаснет мак. Не отцветает, не увядает, не поникает. Просто гаснет.

БОЛЬШАЯ ЛУНА

Когда стемнеет, выйдешь с фонариком на улицу, и сразу вокруг тебя закружатся ночные бабочки.

Свет их притягивает.

Можно целый час держать над головой фонарик, и целый час кругом тебя будет вертеться карусель из сереньких крылышек.

Садовник дядя Гриша даже сделал ловушку из фонаря. Есть такие ночные бабочки, которые портят смородину. И дядя Гриша их ловит, зажигая в саду фонарь.

Под фонарём поставлено корытце с водой. Бабочки стучаются о стекло и падают в воду.

А сегодня вышел я на улицу и увидел, какая на небе громадная, белая, снежная луна. Прямо-таки луница!

Кажется, все ночные бабочки должны полететь на её свет. Не зажжёшь фонаря сильнее!

Но луна почему-то не притягивает бабочек.

Может, слишком холодный от неё свет? Мёртвый?

Сияет луна над деревней, огромная-преогромная.

А в саду едва теплится фонарик. И бабочки летят только к нему.

Стучаются о стекло.

Падают в воду.

ЖАРКО В ВОДЕ

Солнце прогрело воду в речной заводи.

Насквозь просвечена тёплая вода. Играют в ней солнечные зайчики. Сверкают на дне осколки раковин.

Лежат на воде листья кувшинок.

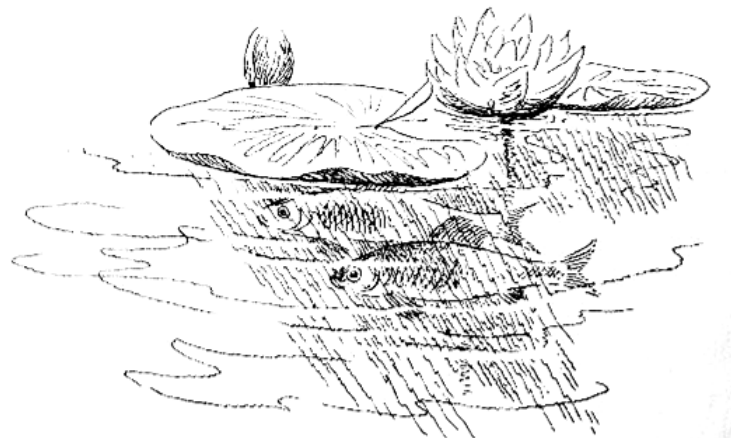
Не шелохнутся.

Смотри-ка, смотри! Под этими листьями неподвижно стоят рыбёшки — плотвички и верхоплавки.

Спрятались от солнца так же, как мы прячемся в тень под деревьями.

— Эй, неужели и вам жарко?

— И нам жарко!

ОЧЕНЬ ВРЕДНАЯ КРАПИВА

Полез я малину собирать в кустах, а там крапива. Все руки, обожгла, все ноги обстрекала.

Ух я разозлился!

Взял палку и давай крапиве макушки сшибать:

— Вот тебе!.. Вот тебе!..

— За что? — спрашивает бабушка.

— А за то, что вредная!

Смеётся бабушка.

— Да разве, — говорит, — она вредная? Всякому листочку, всякой травинке поклониться можно и спасибо сказать.

— И крапиве?

— И крапиве.

— Я не буду кланяться да спасибо говорить!

— И зря... Я вот крапиву накошу для коровы, будет корова жевать — не оторвётся. Кроликам крапивы надёргаю — тоже будут радехоньки. И гуси крапиве обрадуются, и утки, и цыплята... Да и ты, вояка, тоже!

— Почему я обрадуюсь?

— Придёт ранняя весна, я тебе из крапивы зелёных щей наварю. Знаешь, каких?

— А каких?

— Пальчики оближешь!

РЕБЯТА И ЖЕРЕБЯТА

В наш сельский магазин чаще всего ребяташки бегают. Потому что матерям и отцам некогда — они на работе.

В магазине очередь из мальчишек и девчонок.

И перед магазином, у крыльца, тоже место не пустует. Детские коляски стоят.

Собаки сидят, большие и малые, ждут своих хозяев.

А бывает, увидишь перед магазинным крыльцом телёнка. Или жеребёнка с курчавым хвостом.

— Тоже хозяев дожидаетесь?

— Ага!

Выйдет хозяин потрусят за ним следом, как привязанные...

Наши ребята помогают ухаживать на ферме за телятами, за жеребятами. Иногда такая дружба завяжется между воспитателем и воспитанником — водой не разольёшь!

Даже в магазин вместе ходят.

— Жеребёнок, что же ты будешь делать, когда твой хозяин в школу поступит?

— Ого-го! Я ведь уже вырасту! Тоже на работу поступлю!

КАК МОРКОВКУ ПОЛОТЬ

Уморились мы с бабушкой: пропалывали грядку морковки.

Зелёные пёрышки у морковки слабенькие, хрупкие. Запутались в сорняках. И надо тихонечко выдёргивать эти сорняки, чтоб морковку не задеть.

Ох, работа!.. Замучишься.

А теперь представьте-ка не грядку с морковкой, а целое поле. Такое, как в нашем колхозе!

Рук не хватит его прополоть. Терпенья не хватит.

Но его всё-таки пропололи. Один человек справился. За один день.

Приехал дядя Вася на своём тракторе. И обрызгал морковку дождиком из железной трубы.

Да не простым дождиком, а керосиновым.

— Ай, погибнет морковка!

— Нет, не погибнет. Это сорняки от керосина чахнут. А морковка жива-здоровая.

Вправду: привяли сорняки, скукожились. Только морковкины зелёные перья торчат над полем. Веселёхоньки!

— Может, керосиновый запах у морковки останется?

— Нет. И запах выветрится.

Вот секрет так секрет!

Побегу скорей, бабушке расскажу.

ЛИВЕНЬ

Не было дождей, не было, и вдруг ливень накатил. Да ещё какой!

Сплошной стеною вода. Соседних домов не видать.

И шум, как будто тысячи людей в ладоши хлопают!

Бьют струи по дороге, месят землю, стреляют грязными брызгами. Несутся ручьи коричневые...

Размыло дорогу: где канаву прогрызло, где яму повертело, где песку нанесло...

Но под деревьями ливень слабей. Его удары принимают на себя листья и ветки.

Но в траве не стреляют грязные брызги.

Трава держит корешками землю, не даёт её размывать и уносить.

Пронёсся ливень.

Дорога изрыта. На неё смотреть страшно — грязь по колено.

А под деревьями уже нет воды, и трава приподнимается, отряхивается.

Только зеленой и чище сделалась.

Победили грозный ливень маленькие листочки, тоненькие травинки.

СКОЛЬКО ЖИВЕТ ПЧЕЛА

Лежу в траве. Прямо передо мной — лохматые шапочки одуванчиков.

А на них садятся пчёлы.

Прилетает пчела быстро, вёртко. Шлёпнется на цветок и давай по нему кружить, лепестки пересчитывать.

— Пчела, откуда у тебя штанишки жёлтые?

— Это не штанишки. Это корзиночки. Я туда корм складываю — цветочную пыльцу.

Улетает пчела с одуванчиков тяжело, неповоротливо. Трудно ей. Но всё-таки тащит полные свои корзиночки, старается...

Я пчёл всегда боялся. Вдруг ужалит?

А теперь не боюсь.

Если пчелу не трогать, и она тебя не тронет.

— Правда ведь, пчела?

— Не трону... Неохота мне нападать. Если ужалю, сама умру. Такая наша судьба пчелиная...

— Нет, ты живи! Долго живи!

— Не дано мне долгой-то жизни... Вот сёстры мои, которые осенью родятся, до будущей весны доживут.

— А ты?

— А я летом родилась. Работаю много. Видишь — крылышки обтрепались, шёрстка повитерлась.

— И сколько же тебе жизни отпущено?

— Чуть побольше месяца. Всего-навсего!

БРАТ И МЛАДШАЯ СЕСТРА

Санька и его младшая сестричка Варя идут из лесу. Набрали земляники, несут в кузовках.

Моя бабушка поглядела и посмеивается:

— Что ж ты, Саня... Маленькая Варя больше тебя набрала!

— Ещё бы! — отвечает Санька. — Ей нагибаться не надо, вот и набрала больше.

Опять идут Санька и Варя из лесу, тащат корзинки с грибами маслятами.

— Что ж ты, Саня... — говорит бабушка. — Маленькая-то больше набрала!

— Ещё бы! — отвечает Санька. — Она к земле ближе, вот и набрала.

В третий раз отправляются в лес Варя и Санька. Малину собирать. И я пошёл вместе с ними.

И вдруг вижу, как Санька, незаметно от Вари, подсыпает ягоды ей в кузовок. Варя отвернётся, а он возьмёт и подсыплет...

Идём обратно. У Вари ягод больше, у Саньки — меньше.

Встречается бабушка.

— Что ж ты, — говорит, — Саня? Малина-то высоко растёт!

— Высоко, — соглашается Санька.

— Да тебе дотянуться легче, а Варя больше набрала!

— Ещё бы! — отвечает Санька. — Варя у нас молодец, Варя у нас работница. За ней не угонишься!

КТО САЖАЕТ ПОДСОЛНУХИ

Прямо под окнами нашего дома подсолнухи цветут. Высокие-высокие! И головы у них будто в новеньких соломенных шляпах.

Эти шляпы за солнышком поворачиваются. Утром на восход смотрят, вечером — на закат.

Догадайся, кто подсолнухи посадил?

Я думал — бабушка.

А оказывается, это не бабушкина работа. И никто из людей не сеял.

Птицы подсолнухи посеяли.

Зимой бабушка кормит разных птиц — синичек, воробьёв, поползней. Сыплет им крупу да семечки.

Вот какая-нибудь синица уронит семечко, и весной из него вырастает подсолнух.

— Баб, может, они нарочно роняют?

— Не знаю, — смеется бабушка. — Только всё больше и больше подсолнухов вырастает... Скоро всем синицам хватит, да ещё мне останется пощёлкать!

ТАКАЯ УПРЯМАЯ КОРОВА

У нашего пастуха есть помощник — небольшая собака. Зовут ее Гармошка.

Она вся чёрная, будто из печной трубы вылезла. Одно ухо вверх, другое — вниз. Хвост бубликом. Катится Гармошка на своих коротеньких лапках, несёт службу. Чуть какая-нибудь корова отобьётся, залезет в кусты — Гармошка тут как тут. Пригонит корову обратно в стадо. Лает Гармошка на разные голоса. То страшным басом, а то заливисто и тоненько. Оттого её и прозвали Гармошкой.

Однажды пасётся стадо в лесу. Вроде бы все коровы на месте. Но Гармошка заливается в кустах, тявкает, голосит...

Отправился пастух узнать, в чём дело. Оказывается, стоит в ельнике лопоухая корова. С удивлением таращится на Гармошку.

А Гармошка даже охрипла, трясётся от злости. Напрыгивает, землю роет. Видно, никак сообразить не может, почему корова не слушается, почему в стадо не бежит.

— Как тебе не стыдно, Гармошка! — сказал пастух. — Разве это наша корова? Это же лесная корова. Это лосиха!

Поперхнулась Гармошка, умолкла. Наверное, застеснялась своей ошибки. А лосиха, лесная корова, спокойно ушла.

ПЕТУХ И НАСЕДКА

Во дворе наседка водит за собою цыплят.

Она теперь не просто курица. Она мамаша большого семейства. И очень изменилась, когда стала мамашей.

Была щупленькая и гладкая, а теперь растопорщилась, распушилась. Вдвое себя толще.

Выла робкая и тихая, а теперь стала отчаянной. На кошку бросается. Собаку от цыплят отгоняет.

Приблизился было к цыплятам петух, главный куриный начальник. У него хвост фонтаном, у него борода, у него красные серьги. Изогнутые шпоры на лапах.

Этот петух никогда и людей-то не боялся.
Орёл!

А тут приблизился к цыплятам. И моргнуть не успел, как налетела насадка да клювом его — тюк, тюк, тюк!

Присел петух на свои шпоры, квакнул совсем по-лягушачьи:

«Куа-а-ак!..»

И стремглав под забор.

КАК ЛОВИТЬ ЗАЙЦЕВ

Можно зайцев ловить руками. Ничего особенного!

Вот начался в нашей деревне сенокос. Стрекочут на косилки, валят цветущую, всю перепутанную траву.

Будто густые волосы стригут под нулёвку.

Двигается косилка, мотает головой лошадь. И вдруг из под самых лошадиных копыт выпрыгивают зайчата. Две штуки!

Я бросился их тубетейкой накрывать. И поймал, бегают-то неловко...

Вот вам пожалуйста: двух зайцев руками изловил!

Приятель Санька говорит, что это не редкость. Самое обычное дело — поймать в сенокос зайчонка. Пока зайцы не подросли, они прячутся в траве. Тут зайчиный детский сад: и корма вволю, и никто не заметит.

Ведь не знают зайчата, что наступит сенокос...

Лежат два зайчонка в тубетейке, замерли.

Ждут.

«Что с нами будет?»

Мы их отнесли на опушку леса, в кусты. Здесь тоже высокая трава, но ее косить не станут. Для человека здесь неудобное место. А для зайчат — удобное.

Перевернули мы тубетейку осторожненько. Выпустили сосунков. Посмотрели, как они юркнули в траву, как шевельнулась трава и затихла...

Теперь всё в порядке.

Понимаете, можно зайцев ловить руками.

Но только для того, чтобы выпустить.

КАК СОБИРАЮТ ЧЕРНИКУ

У всех наших мальчишек и девчонок губы фиолетовые, зубы синие.

Это черника в лесу поспела.

Такая заманчивая ягода! Нарвёшь горстку, хочешь в корзинку бросить, а рука вверх, ко рту тянется...

Сидишь на кочке и чавкаешь.

Но не только мы жадные до черники. В сосновом лесу, где её много, собираются звери и птицы. Тоже за сладкой ягодой.

Мне говорили, что и медведи чернику любят, и волки, и лисицы. Я медведей, правда, не встречал.

И волков не встречал.

Зато видел, как белки чернику едят. И как птицы её клюют. Затаишься тихонечко и тогда увидишь, сколько тут всяких любителей черники...

Наперегонки собирают!

Мы тоже не зеваем. Каждое утро корзинки на руку — и айда в черничник! Кто больше соберёт?

Идём из лесу, корзины веточками прикрыты. Будто занавешены. Но всё равно можно догадаться, кто больше набрал черники, а кто меньше.

Если у меня, например, самый

фиолетовый рот, самые синие зубы, много я в корзинку набрал?

Как думаете?

КТО ЗА КЕМ ОХОТИТСЯ

Сижу на речке, ловлю пескарей.

Ко мне на удочку, на самый кончик, присела стрекоза. Четыре слюдяных крыла. Бронзовое тельце. На голове — будто громадные выпуклые очки.

Повела глазищами:

— Не прогонишь? Я тебе пригожусь...

— Чего прогонять? Всё равно не клюёт.

Сидим.

Смотрим друг на дружку.

Вдруг сорвалась стрекоза, как выстреленная, скользнула надо мной. Какой-то щелчок послышался. И упало мне на руку блестящее комариное крылышко.

Это она комара на лету сцапала.

— Молодчина!

Едва присела на удочку, как снова взлёт. Опять щелчок надо мной. Опять комариные крылышки сыплются.

— Ну и хитрая же ты! Ну и сообразительная!

Она ведь за кем охотится?

За комарами.

А комары за кем охотятся?

За мной.

Вот стрекоза и выбрала местечко поближе ко мне. Щёлкает да щёлкает комаров, которые меня сейчас бы кусали...

— Я же говорила, что пригожусь!

ГРИБЫ НА ДОРОГЕ

Ещё сенокос не кончился, а уже грибы появились. Да какие-то странные: растут в самых неподходящих местах.

То на краю поля, почти в борозде.

То на лужайке, у всех на виду.

А то прямо на дороге, в колёсной колее, вдруг выскочит сумасшедший гриб...

Называются такие грибы — колосовики, потому что в это время колосится на полях рожь.

Собирать их заманчиво. Потому что первые же! Ещё никто в деревне гриба не видал, а ты уже несёшь корзинку!

Но зато очень трудно набрать корзинку. Ведь совсем не знаешь, где попадётся тебе гриб. Подберёзовик встретится совсем не под берёзой, а где-нибудь под изгородью, около фермы. Подосиновик очутится не под осинкой, а в канаве.

Догадайся-ка, что они здесь!

Повезёт тебе, так увидишь и сорвёшь.

А не повезёт — мимо пройдёшь, не заметишь.

Но если несёшь полную корзинку колосовиков, тебе все завидуют:

— Какой счастливый!

ГОРЕ ГОРЬКОЕ

Ходит бабушка в огороде, печалится:

— Опять огурцам горе горькое...

— Почему, бабушка?

— Ночь холодная была.

— Ну и что?

— А огурец тепло любит, он нежный. Ему вредят холода.

— Да вон, — говорю, — какие листья здоровенные! Как лопухи. И вон огурчики висят. Ничего им не сделалось.

— Нет, сделалось.

— Да что же им сделалось?

— Горе.

— Бабушка, ну объясни ты, пожалуйста, русским языком, какое им горе сделалось?

— Сейчас объясню.

Сорвала бабушка огурец и мне протягивает. Огурец как огурец. Зелёный, с пупырышками. Аппетитный...

Накусил я его — и сморщился. Тьфу ты! Хуже всякого лекарства!

— Ну, разобрал, какое горе у огурцов?

— Горькое, бабушка, горькое!

ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ

Была у дороги глубокая канава.

Весной, когда таял снег, затопило канаву водой. Стоит вода по самые берега, словно в озере.

По вечерам пение раздаётся из канавы. Кто-то побулькивает и урчит радостно.

— Лягушки поют! — говорит мама.

Согрелась вода в канаве, плавают там жуки-вертуны и бегают на длинных ногах водомерки.

А ещё. появились странные пузырьки. Они прозрачные, с тёмными точками внутри.

— Лягушачья икра! — сказал дедушка.

Греет солнце, всё больше в канаве жуков и водомерок. А чёрные точки превратились в чёрные запятые. И уже не стоят на месте, плавают дружной стайкой.

— Головастики вывелись! — сказала бабушка.

Сильней греет солнце, высыхает вода в канаве. Начали перебираться на другие квартиры и жуки-вертуны, и голенастые водомерки.

А головастики по-прежнему плавают, по-прежнему резвятся. Как будто не страшно им, что канава совсем высохнет.

И вот высохла канава.

До самого донышка.

Погибли глупые головастики?

Ан нет... Хвостик у них пропал, зато выросли задние лапки и передние лапки.

Можно пешком ходить.

Превратились головастики в маленьких лягушат и ускакали на все четыре стороны.

КТО ЛУЧШЕ?

Мы идём по хлебному полю, где растёт рожь. Идём не по дороге, не по тропинке. Шагаем прямо по бороздам, стараясь раздвигать колосья и не поломать их, не помять...

Тянем длинную верёвку. Один конец держит Санька, за другой конец я ухватился. Наверно, со стороны поглядеть — так и не поймёшь, что мы делаем. Будто невод забросили и кого-то ловим во ржи... А мы её опыляем.

На верёвке не сеть, а короткая мешковина, вроде занавески. Пригибает мешковина цветущие колосья, сбивает пыльцу... И, как золотистое облачко, плывёт пыльца над рожью...

Такой работой обычно занимается ветер. Он качает стебли, переносит пыльцу с колоска на колосок. Тогда и завязываются в колосках зёрна.

Но ветру всё равно, какой будет урожай.

А людям не всё равно. Вот люди и придумали — помогать ветру. Чтоб прибавился урожай.

— Тянем-потянем!..

— Тянем-потянем!..

Свою прибавку к урожаю вытянем.

САМЫЕ БЫСТРЫЕ КРЫЛЬЯ

Мы увидели на дороге чёрную птицу с изогнутыми крыльями. Птица неуклюже подпрыгивала, старалась взлететь и не могла.

Она подшибленная? Нет, — сказал Санька. Плохо летает? Сейчас увидишь.

Птица доковыляла до края дороги. Нырнула в глубокую канаву, как пловец ныряет с вышки.

Распахнулись во время прыжка крылья. Не коснулась птица земли, а вынеслась из канавы. Со свистом сделала полукруг над нами.

Мне почудилось даже, что в воздухе след остался, как от реактивного самолётика.

— Да ведь это стриж!

— Стриж.

— Я знаю: он летает быстрее голубя, быстрее ласточки! Быстрее всех наших птиц!

— Верно.

— А почему же с дороги не мог взлететь?

— Да крылья длинные. Об землю задевают.

НЕ СМЕЙ!

Перед нашим домом, на куче песка, играют самые малые ребяташки. Ну, известно, какие у них игры: лепят куличики, строят что-то из еловых шишек.

Ерунда, в общем.

Только у этих карапузов тоже имеются свои заводилы, свои атаманы. И свои тихони безответные.

Атаманом на песочной куче давно сделался Фёдор. Он ростом побольше. Молчаливый такой, насупленный. И всегда лохматый, будто его не стригут и не причёсывают. А может, он и не позволяет себя причёсывать.

Когда Фёдор что-нибудь возводит на песочной куче, то лучше к нему не приближайся.

А самая безответная, самая тихонькая девчонка, конечно же, соседская Татьяна. Среди ребяташек она — как палец мизинчик. Меньше всех. Слабее всех.

Вдобавок носит очки Татьяна, а в её возрасте это совестно. Всегда прилепится Татьяна где-нибудь сбоку, с краешка, старается никому не мешать. И даже если обидят, не ревет громко — стесняется...

Но сегодня Татьяна победила Фёдора.

Строил Фёдор город на вершине кучи. Глянь, бежит по песку паучок-сенокосец. Обыкновенный паучишко, мелочь. Фёдор поднял свою ногу с чёрной пяткой и собрался этого паука прихлопнуть.

— Не смей! — вдруг крикнула Татьяна. — Что он тебе сделал?

Фёдор так и замер с поднятой ногой. Уж не знаю, что его так ошеломило. Но паучишку он не тронул. И Татьяну не тронул...

Может, вправду задумался — что ему сделали те, которые меньше его и слабей?

КОРОВЫ В ВОДЕ

Хожу я по речному берегу очень гордый.

Потому что нашего пастуха заменяю.

Отлучился пастух в деревню, попросил стадо посторожить. Кнут оставил. Настоящий пастушеский кнут, свитый из верёвки, с волосяной кисточкой на конце!

Бродят коровы на полуденном лугу. А я — с кнутом через плечо — ими командую.

И тут взбесились мои коровы. Просто взбесились! Рванётся корова с места, поскачет галопом... Хвост кверху задран, как палка.

Несётся корова напрямиком в речку. Бултых! — и лезет глубже и глубже. Будто топиться собралась!

Я растерялся. Придёт пастух, а у меня бешеные коровы в речке сидят...

Только хотел выгнать коров на берег, как что-то зажужжало, замелькало.

Ай!.. За ногу куснули!..

Слепни — здоровенные такие мухи, жёлтые и серые, — на меня налетели. Отмахиваюсь, отбиваюсь — не отстают!

Помчался к речке. Как был, в трусах и майке, так и влетел в воду...

Вернулся пастух. Видит — коровы сидят в речке. И я сижу по горло в воде.

— Спасаетесь?

— С-с-спас-саемся...

— Что ж, — говорит, — давай погоним стадо в лес.

— А там не закусуют?

— Не закусуют. Через кусты продерёмся, через ельник пройдем — слепней веточки отмахнут.

БЫВШИЕ БЕСПРИЗОРНИКИ

В канаве, около проезжей дороги, вырос голубой колокольчик. Такой хилый, такой чумазый. Листья как серые тряпочки.

Учитель Сергей Степанович увидел этот колокольчик, выкопал и перенёс в школьный сад.

— Собираю, — говорит, — беспризорников.

И верно: посажены в школьном саду цветы-беспризорники. Полевая гвоздика-липучка, болотные незабудки, подзаборные ромашки-растрёпы.

Цветы, на которые никто внимания не обращал.

А Сергей Степанович рассаживает их старательно, поливает, подкармливает. Этому подвяжет, этому подпорочку даст, этого подстрижёт.

И тогда происходят чудеса.

Мелкие ромашки крупными делаются, глазастыми. Васильки — прямо в голубых коронах стоят. А на колокольчике столько цветков, что на целый букет хватит!

Заглянут в школьный сад случайные гости. Обязательно удивятся:

— Какие прекрасные цветы! Откуда вы их достали?

И невдомёк гостям, что это бывшие беспризорники.

КТО В ПОГРЕБЕ?

Кто-то в нашем погребе пьёт молоко.

Поставит бабушка кринку, накроет её блюдечком. Утром приходит — блюдечко сдвинуто, молоко тронуту. Чуть-чуть.

Пьют молоко, по понемножку...

— Дед, — говорит бабушка, — посмотри, кто в наш погреб лазает!

— И смотреть нечего, — отвечает дед. — Никто лазать не может. Затворяй дверь покрепче.

Закрывает бабушка дверь покрепче. Проверяет, нету ли щёлочки. Нигде нет ни дырочки, ни щёлочки, даже труба вытяжная металлической сеткой затянута.

А блюдце опять сдвинуто, молоко опять тронуту.

Кто-то пьёт понемножку.

— Дед, придумай, как вора изловить!

Дедушка подумал-подумал, советует:

— Поставь в погребе черепок, наливай туда молока. И никто большую посуду не тронет.

Послушалась бабушка, плеснула в черепок молока, поставила в углу на земляной пол. Утром приходит — блюдце не сдвинуто, кринка цела. Зато в черенке молоко исчезло...

Больше не спрашивает бабушка, кто появился в погребе. Подливает в черепок молока, не жалеет. Лишь бы горшки да кринки сохранить! Откупается бабушка от неизвестного грабителя...

Дед мне подмигивает:

— Знаешь, кто в погребе? Змея. Только не кусачая, добрая... Называется — уж.

— А зачем ты его молоком поишь?

— Он полезный. Мышей ловит.

— А почему про него бабушке не говоришь?

— Дак она женщина! Скажешь ей — она шибче напугается!

БРУСНИЧНЫЙ КУСТИК

Прижался к старому гнилому пню брусничный кустик.

— Не спеши мимо, — говорит. — Наклонись ко мне.

— Да у тебя ягод мало.

— Не ленись, наклонись... Ягод мало, потому что я старенький.

— Какой же ты старенький? Ростом с вершок!

— Ну и что же... Я давным-давно родился. Когда тут, на вырубке, ещё подрастал сосновый лесок. Это сотни лет назад было...

— Сотни лет?!

— Сотни... Молодые сосны к небу подымались. Великанами стали. Небо загородили, а я жил. Потом и сосны состарились, начали сохнуть. Их срубили. Остались на вырубке пни-коротышки. А я жил.

— Значит, дольше всех деревьев?

— Дольше. Теперь и пни на вырубке догнивают. И вот уже новые сосенки подымаются...

— Выходит, ты им дедушка?

— Я им прадедушка. И всё равно засыхать не собираюсь. Зимой зелёные листики под снегом прячу. Весной бело-розовые цветочки распускаю. Их поменьше теперь. Но сколько могу, столько ягод тебе и протягиваю...

— Спасибо, прадедушка!

— На здоровье, правнучек.

С УТРА И ДО ВЕЧЕРА

Опустился шмель на головку клевера.

Шмель большой, грузный.

Наклонится стебелёк у клевера, розовая головка опрокинется, шмель вверх тормашками повиснет.

— Трудно тебе, шмель?

— Ещё бы!

— А почему па другие цветы не садишься?

— На других цветах пчёлы работают, мухи да букашки мелкие. Все, кому не лень.

— А на клевере?

— На клевере им сладкого соку не достать. Только я могу. У меня хоботок длинный.

— Это что же получается? Как в сказке! Не было бы тебя шмеля, клевер бы впустую цвёл. Семян не давал. Без семян клевера не посеешь. Без клевера корову не накормишь. Деду с бабкой без молока сидеть...

— Не знаю как там в сказках. Я своё дело знаю. Хоть и тяжело, а кувыркайся на клевере с утра до вечера!

ЖАТВА

Вот и хлеба созрели.

С утра ползёт по хлебному полю комбайн. Косит спелую рожь, сразу обмолачивает. Оставляет на поле вороха соломы.

Сбоку пристраиваются к комбайну грузовики.

Забирают зерно.

На ходу идёт погрузка.

Люди торопятся. Про отдых забыли.

Поскорей надо убрать хлеб, пока зерно не осыпалось, пока сухая погода держится...

Весь день пылят на дороге грузовики. Задыхаются, приседают от тяжести.

До бортов полны зерном.

И даже не верится, что весь этот хлеб висел, качался в поле на тоненьких стебельках.

— Как же вы, стебельки, выдержали?

— Дружно — не грузно!

НОВЫЙ ЛЕСНОЙ ГОСТЬ

По нашему дому, по всем комнатам, ходит зверь. Лесной зверь.

Стучит по полу когтями: цок-цок-цок!

Пыхтит деловито, пофыркивает.

Этот зверь — ёжик.

Нас спрашивают:

— Зачем вы его поймали?

Нас спрашивают:

— Вы его в доме держать будете?

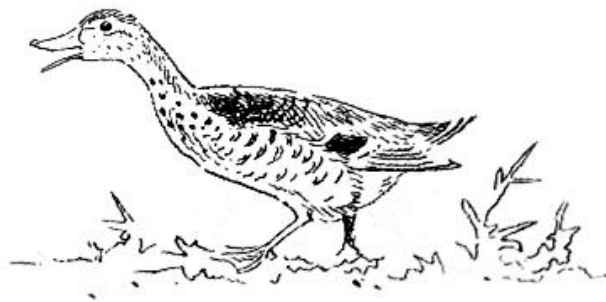
А мы его не ловили, мы держать его не собираемся. Он самостоятельно к нам пришёл. Вдруг появился у нас в огороде, а потом не побоялся забежать в дом. И если захочет от нас уйти — пожалуйста, двери открыты. Скажем ему «до свидания».

У дедушки всегда живут звери и птицы. У него есть совсем ручная галка Галя, совсем ручной бельчонок Тишка, дикая утка по имени Граня.

Они появляются в доме, когда хотят, и уходят, когда пожелают.

Но потом обязательно возвращаются.

Может, потому и возвращаются, что силком их никто не удерживает?

ВСЁ НАОБОРОТ

Днём над нашим озером носятся с писком стрижи и ласточки. Ловят всякую мошку, пьют воду. Удивительно пьют: на лету.

Вот кружится ласточка высоко — и вдруг помчится вниз, будто с горки.

Чиркнет по воде — и снова вверх. А там, где она дотронулась до воды, разбегаются волнистые круги...

Я думал, одни птицы умеют пить на лету. Кто же ещё сможет?

Но тут ночевал я однажды на берегу озера. Мы лошадей отводили в ночное. И увидел я странную картину.

Поднялась луна, осветила озеро.

И я вижу, что летают над водой какие-то тени. Похожи на птиц — с двумя крыльями.

Кружатся, беззвучно падают вниз. По воде чиркнут — оставляют круги: наверное, тоже пьют...

— Что за птицы? — спрашиваю Саньку.

— А ты приглядишься...

Смотрю я внимательней и тут замечаю, что у ночных птиц голова с торчащими ушами... Лопухие птицы!

— Это летучие мыши, — говорит Санька.

— Вот тебе на! Это — мыши. Да ещё летучие... Да ещё ночные! Почему они ночью летают?

— А у них всё наоборот, — говорит Санька. — Ночью летают, днём спят. Луна для них — вроде солнышка.

— Как же они видят?

— Ушами. Они слышат очень хорошо. И даже мошку ловят на слух.

— Может, — спрашиваю, — они и спят как-нибудь наоборот?

— И спят наоборот, — говорит Санька. — Вверх ногами, вниз головой.

ПОМИДОР НА ПЯТЕРЫХ

Я очень помидоры люблю. Могу их есть с утра до вечера. Потому что вкусно до невозможности!

Узнал про это мой друг Санька и зовёт:

— Айда на школьный огород! Там знаешь чего?.. Рот разинешь, глазам не поверишь! Айда!..

Мы прибежали к старой школе, и точно: вошёл в калитку и глазам не верю... Разве мог я подумать, что бывают на свете такие помидоры?!

Вот совсем мелкие, как виноград, и висят кисточками.

Вот жёлтые, как лимон.

А вот оранжевые, как апельсин.

А вот розовые, а вот малиновые! А вот помидорный куст высотой с телеграфный столб!

Учитель Сергей Степанович говорит школьникам, которые на грядках работают:

— Угостим нашего посетителя? — Повернулся ко мне, спрашивает: — Семья у тебя большая? Кажется, пять человек, да? Витя Сазонов, принеси ему помидорчик на пятерых...

Пошёл Витя Сазонов куда-то в заросли. Приносит помидорчик. Действительно, всего один. Только с футбольный мячик.

Этот помидор бабушка ела, и дедушка, и папа с мамой. Ну и я, конечно, не отставал.

И всем хватило.

— Эх, — говорю я потом Саньке, — если бы всегда я в этой деревне жил! Если бы всегда в этой школе учился!

— Тогда что?

— Тогда я из этого школьного огорода не вылезал бы. Вот!

ЛАНДЫШ

Какой цветок в нашем лесу самый красивый, самый нежный, самый пахучий?

— Конечно, я, ландыш!

— Какие же у тебя цветки?

— Цветки у меня будто колокольчики снежные на тонком стебле. Будто светятся в сумерках.

— А запах какой?

— Запах такой, что не надышишься!

— А что же сейчас висит у тебя на стебле, на месте беленьких колокольчиков?

— Красные ягоды. Тоже красивые. Загляденье! Но ты их не трогай, не срывай!

— Отчего же?

— А они ядовитые!

— Зачем же тебе, нежному цветку, ядовитые ягоды?

— Чтобы ты, сладкоежка, не съел!

ТУМАН НАД ЛЕСОМ

Дни сухие, а утром на траве лежит роса. Как будто неслышный дождик пробирался ползком по траве, ниже кустов и деревьев.

Над лесом курятся туманы.

Иногда такие густые и белые, словно костры кто-то зажёл.

— Зайцы варят пиво, — сказал дедушка.

— Почему пиво? Где?

— Конечно, это присловье такое, — смеётся дед. — Зайцы, мол, пиво себе варят. Праздник у них. Видишь, дым коромыслом!

— Это же туман.

— Ну так что! Всё равно у зайцев праздник. Настоящий! Грибов едят вволю, травы зелёной полно, молоденьких веточек много... Отчего зайцам не праздновать?

ЯБЛОНЯ ДЛЯ ГОСТЕЙ

В саду растут яблони разные — на любой вкус.

Посмотрите, вот это антоновка. Крупные яблоки, зеленоватые, с кислинкой. Очень они приятелю Саньке нравятся.

А ног это — осеннее полосатое. Тоже крупные яблоки, бокастые, солнышком разрисованные в яркую полоску. Мне очень нравятся.

Вот это — золотая китайка. Мелкие яблочки, но как будто мёдом налитые.

Много разных яблонь в саду, но есть одна совсем необыкновенная. На любой вкус.

Садовник дядя Гриша посадил у ворот дикую яблоньку. Обстриг у неё ветки. А взамен приставил другие, взятые у антоновки, у осеннего полосатого, у китайки и ещё у других сортов.

Веточки прижились. Начали расти.

Поднялась у ворот яблоня с ветками, не похожими друг на дружку.

Повисли на ветках яблоки всех сортов. И зеленоватые, и полосатые, и розовые, и красные, и длинненькие, и кубастенькие...

— Дядь Гриш, зачем вы такую яблоню вырастили?

— Для гостей. Чтоб не бегали по саду, а тут же попробовали!

МЕДОВЫЙ РУЧЕЁК

По гладкому стволу черёмухи стекает живой светло-коричневый ручеёк. Будто из медовых капелек. Это муравьи. Из того муравейника, который мне знаком. Дружная цепочка муравьёв поднимается вверх.

Дружная цепочка муравьёв спускается вниз.

- Зачем вы карабкаетесь на черёмуху?
- Это сладкое дерево.
- Какое же сладкое? Цветы отцвели, ягоды не поспели.
- И всё-таки сладкое!
- Объясните, покажите!
- Смотри. Листик черёмухи сидит на черешке. И на каждом черешке — сладкая сахарная росинка.
- Так всегда у черёмухи бывает?
- Всегда.
- И вы приучились лакомиться?
- Отойди с нашей дорожки. Мы не лакомимся. У нас правило: всю добычу домой нести!

КАК СПЯТ ЛОШАДИ

Ми берегу озера горит костёр. Мы сидим возле него, печём молодую картошку.

Рядом, в темноте, бродят лошади.

Мы их пригнали сюда, спутали им передние ноги. И лошади пасутся на лугу.

Слышно, как они мелко переступают спутанными ногами. Как всхрапывают. Как хлещут хвостами.

Вот луна засветилась над лесом.

Теперь оглянешься, глаза привыкнут к сумраку — и виден весь берег и чёрные лошади, стоящие по колено в тумане.

— Когда же они спать лягут? — спрашиваю я Саньку.

— Кто?

— Да лошади... Днём работали, ночью пасутся...

— А зачем им ложиться? — не понимает Санька.

— Чтобы спать.

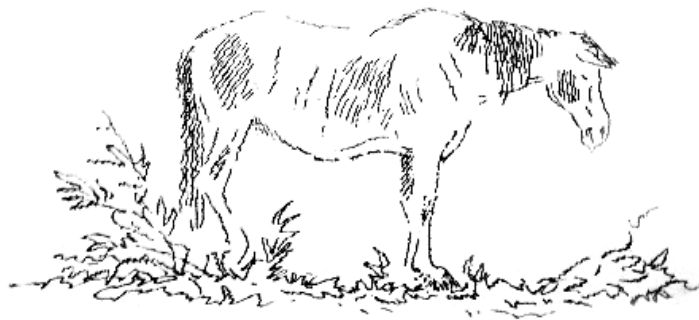
— Дак они лошади!

— Ну и что?

— Лошади стоя спят!

Я ещё раз оглядываюсь. И теперь замечаю, что ближняя к нам лошадь совсем неподвижна. Не шелохнётся, стоит с отвислой губой.

Спит.

СКОЛЬКО ЕЩЁ АЙБОЛИТОВ?

Помните, что трава подорожник лечит людей?

Теперь я знаю, что не один подорожник — доктор Айболит. В лесу много добрых докторов.

Учитель Сергей Степанович ведёт школьников в лес, и они собирают там цветки ландыша, листья брусники, мелкие яблочки шиповника. И ещё много разных трав, цветов и ягод.

Всё это сдают в аптеку.

И лесные Айболиты помогают больным людям поскорей выздороветь.

Санькина младшая сестра тащит корзинку с лечебными травами и распевает:

Не зовите докторов

Вы из поликлиники!

А ищите докторов

Где-нибудь в малиннике!

БЕРЕЗОВЫЕ СЕРЕЖКИ

Кто видел цветущую берёзу?

Вот странное дело: сколько раз я проходил мимо, и не замечал, как берёза цветёт...

Бывает это после майских праздников. Листья на берёзе ещё маленькие, словно бы мокрые. А на концах веток появляются коричнево-золотые серёжки.

Вся берёза в серёжках. Вся золотится, как будто в солнечном дожде!

В середине лета серёжек почти не видать. Листья погребели, потемнели. Спрятались за ними серёжки. Незаметно зреют в них семена.

И вот глядите! Летят с берёз крошечные самолётики, будто вырезанные из серой бумаги. Много-много кружит над землёй самолётиков.

Люди думают, что это и есть семена.

Но их не стоит собирать, не стоит сеять. Ничего из них не вырастет. Это не семена, это пустые чешуйки сыплются...

Семена у берёзы другие. Они ещё мельче. И похожи на бабочек: еле видимое жёлтое семечко, а по бокам два круглых прозрачных крыла.

Бабочки легче самолётиков.

Дунет ветер, качнёт берёзу. Метелью закружатся бабочки с прозрачными крыльями.

Смотрите, смотрите! Пляшет, вьётся, летит берёзовый лес над деревней!

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Напали на наш огород ночные разбойники.

Как только стемнеет, мы с бабушкой берём электрический фонарик и отправляемся на грядки. Начинаем охоту.

Жёлтое пятнышко света ползёт по капустным листьям. По редиске, по гороховым вьющимся стеблям... И вдруг — стоп!

Сидит на листе голый противный слизень. Безрогая такая улитка. Насквозь проедает лист, одни жилочки оставляет.

Слизни разбойничают в темноте, днём прячутся под камешки, под комочки земли. Их тогда не настигнешь. Поэтому мы с бабушкой ночью не спим, охотимся...

Но вот жёлтое пятно фонарика задержалось почему-то на земле. Там видны два выпуклых глаза. И золотистое горлышко.

Горлышко дышит. Мелко-мелко подрагивает, будто пьёт воздух глоточками.

Кто это такой?

Шмяк!.. Шмяк!.. Высканула из-под листьев лягуха.

Я — в сторону! Чуть грядку не потоптал. Бр-р-р!..

А бабушка словно ничего не заметила, говорит вслед лягушке:

— Ах ты моя красавица! Не бойся, мы не тронем...

Это про лягушку-то — «красавица»!

Обирает бабушка слизней и приговаривает:

— Погодите, разбойники! К нам царевна-лягушка на подмогу пришла. Теперь-то мы с вами справимся!

КОМУ ДЕЛАЮТ УКОЛЫ

В белой шапочке, в белоснежном халате пришёл человек. Кто он такой, догадались?

Правильно: врач.

В руки он взял шприц с блестящей иглой.

Что он собирается делать?

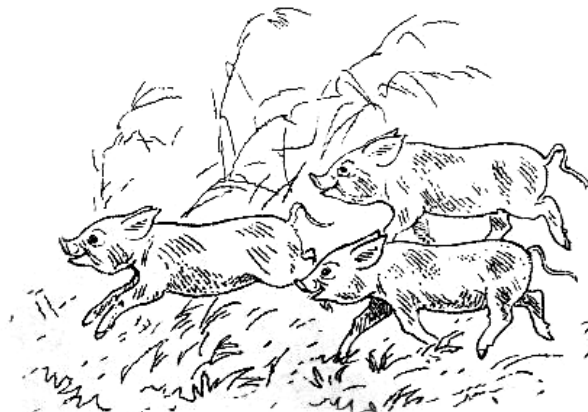
Правильно: уколы.

— Потерпите немножко, — говорит. — Зато хворать не будете. Никакая болезнь к вам не прицепится!

Кому он делает уколы, этот врач в белой шапочке и белом халате?

Нет, неправильно.

Поросятам!

ДОЛГО И КОРОТКО

Разговаривают мальчишки с моим дедом. Размечтались:

- Давайте посадим у новой школы дубовую аллею!
- Давайте, — соглашается дед.
- А как посадить?
- Сначала, — говорит дед, — соберите жёлуди.
- Хорошо, соберём. Их уже много напало!
- Эти не годятся. Дождитесь первых заморозков, тогда посыплются спелые.
- Хорошо, дождёмся.
- Берите не все подряд. Ищите такие, у которых на конце востренький клювик. Это лучшие.
- Хорошо, отыщем.
- Вскопайте землю, посадите. Каждый жёлудь прикройте сверху еловой лапкой, чтоб мыши не сгрызли. Тогда всё?
- Нет. Взойдут весной жёлуди, скажу, что дальше делать. Работы ещё много.
- Сколько?
- И весну, и лето, и осень будете работать.
- Тогда всё?
- Нет. И ещё год, и ещё два, и ещё три. А потом поглядим...
- Долго-то как! Очень уж долго!
- Совсем не долго. Вот тысяча лет — это действительно долго.
- А при чём тут тысяча лет?
- А при том, — говорит дедушка, — что ежели постараться, тысячу лет будут стоять ваши дубы!

КТО КАК ОДЕТ

Дни стали ненастные, ночи холодеют.

И на колхозных огородах начали овощи убирать, чтобы не портились, не помёрзли.

Сначала убрали огурцы-голыши.

Потом — лук в бумажных рубашках.

Потом — бобы в шерстяных чулочках.

Убрали репу, брюкву,

редьку,

морковку,

свёклу,

турнепс

и

разную петрушку.

Одна капуста осталась. Её позже всех убирают.

У неё, у капусты, семьдесят семь одежек, она холода не боится!

ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ

Качается, падает с дерена кленовый лист, похожий на красную гусиную лапу. Медленно падает.

А навстречу ему, только снизу вверх, летит другой лист. Точно такой же красный, похожий на гусиную лапу.

Медленно поднимается.

И вот соединились листья, летевшие друг к дружке. Слились в один. Заколыхались на воде отражения...

Только теперь стало заметно, что лист опустился на воду.

Я стою на берегу нашего озера. Никогда раньше не знал, что бывает вода такая прозрачная, такая спокойная. От осеннего холода, от осеннего солнца сделалась вода как воздух.

И не дерево в ней отражается — просто два дерева растут. Одно макушкой вверх, другое макушкой вниз.

Сверху падают листья.

Снизу падают листья.

И соединяются на невидимой границе между водой и небом.

ЧТО БУДЕТ С КОЧЕРЫЖКОЙ

Бабушка рубит капусту. Кочерыжки мне отдаёт, я их грызу, похрустываю.

Вот попалась самая толстая, самая длинная кочерыга.

— Бабушка, дай!

— Эту не дам. Это золотая кочерыжка.

— Она просто большая! Всего-навсего!

— То-то и хорошо. Мы эту кочерыжку в погреб снесём. Сбережём до весны.

Потом в землю посадим.

— И что будет?

— Начнёт расти кочерыжка.

— А потом?

— Зацветёт кочерыжка.

— А потом?

— Стручки на ней созреют, в каждом стручке — семена. Много будет капустных семян.

— Ну и что?

— Семена посеём, будут новые кочаны, а в каждом кочане — новая кочерыжка. Вот что!

ЁЛКИНО ПЛАТЬЕ

Продираешься через ельник, а молодые ёлочки колются:

— Не трогай нас!

— Подумаешь, тихонечко задел.

— И тихонько не задевай. Мы свою одёжку бережём.

— Да что за одёжка у вас такая особенная?

— Иголки наши зелёные — не листья. Не меняются каждое лето.

- Так что?
- Вот выросла свеженькая еловая лапка, а иголки на ней сменяются только через семь лет.
- Да, это не скоро.
- Вот и приходится беречь!

ВОТ ГДЕ ХИТРОСТЬ-ТО

Стараемся вдвоём с приятелем Санькой — собираем орехи. Одному собирать неловко: орешник высокий, не допрыгнешь. А тут я хватаюсь за ветку, нагибаю её к земле, а Санька обрывает орехи. Сразу двумя руками действует.

Я говорю:

— Ты прямо как белка!

— Нет, — говорит, — белки хитрей работают.

И впрямь: попадаются нам кусты, где ни одного полного орешка нету. Все пустые.

Белки обобрали куст. Хорошие орехи унесли, а пустышки нам оставили.

Пустой орех от полного — который с вкусным ядрышком — никак не отличить. Висит на ветке такой же коричневый, такой же лоснистый, в таком же кружевном воротничке.

И только когда сорвёшь, то почувствуешь, что он подозрительно лёгонький.

Раскусишь — а внутри ядрышка нет, одна труха...

Да, Санька, пожалуй, правду говорит про белок.

Он хитрый, Санька, удивительно хитрый. Но всё равно обманывается, рвёт сейчас пустые орехи. Сердится, когда раскусит.

А белки, что побывали на этом кусте, не обманывались. Они спокойненько отличали пустой орешек от полного. Не рвали, не взвешивали, не раскусывали. Будто видели сквозь скорлупу...

Насквозь видели.

Вот где хитрость-то!

ПУГЛИВАЯ ОСИНА

Вы, наверно, замечали — все деревья в лесу спокойно стоят, веткой не шелохнут. И только одна осина трепещется. Дохнёт самый незаметный ветерок — и уже завертелись, засутелись листья.

Они подвешены на длинных черешках. Будто на гибких ниточках. Будто нарочно сделаны как флюгер — ветер ловить.

Я смотрю: совсем нет ветерка на поляне. Только нагретый воздух поднимается от травы.

И от этого поднимающегося воздуха осина волнуется. Листья играют, дрожат, поворачиваются...

А когда настоящий ветер дунет, вся осина прямо закипит! Побелеет от страха!

Дедушка говорит: это дерево хрупкое, слабое. Может, оттого и страшно ему?

Вот начались холодные ночи, уже туманы дымятся. Уже утром поникшую траву обсыпает инеем, будто солью.

Молодые осинки сделались такие пёстрые — и в жёлтых пятнах, и в красных, и в оранжевых... Дрожат, трепещут.

Как будто кричат:

— Ой, мамоньки! Осень пришла!

ВОЙНА С ГРИБАМИ

Едет по лесу телега, подпрыгивает, стучит колёсами по корням.

— Н-но!.. — сердито покрикивает дедушка.

В телеге трясутся новые плетёные корзины. Такие громадные, что я в каждой из них помещусь с головой.

Въезжаем в березняк. Тут просторно, светло. Половина листьев уже осыпалась. А они всё падают, падают... Птица качнёт ветку — и потекли с неё листья.

— Тпр-р-ру!.. — командует дедушка. — Приехали.

У берёзовых корней растут грибы-опёнки. Их много, растут целыми семьями, толпами. И все красавцы: как будто в солнечном загаре, как будто в весёлых веснушках. Края шляпок растрескались и завиваются колечком.

Все другие грибы — подосиновики, грузди, рыжики — дедушка собирает осторожно. Срезает ножичком. А опята он вырывает с корнем! С треском! Прямо десятками...

Я-то знаю, отчего он их не любит. Оттого, что они вредители. Нападают на большое дерево и губят его. И дедушка их собирает так, будто воюет с ними.

Вечером мы созываем гостей, мама жарит наши грибы в сметане. Полны на столе сковородки! Гости не нахвалятся опятами. Но дедушка не ест, молчит.

Лишь когда очищены сковородки, дедушка веселеет.

Я его понимаю. Мы с ним перемигиваемся: отомстили-таки!

КАК СОБИРАЮТ КЛЮКВУ

Бабушка говорит:

— Завтра пойдём по клюкву. Готовься.

А чего тут готовиться? Я теперь не новичок. Всякую ягоду собирал: и чернику, и малину, и бруснику. Есть у меня корзинка для ягод и маленький кузовок-набирушка. Наполнишь его — высыплешь в корзину. Опять наполнишь — опять высыплешь.

И легко, и удобно.

Утром бабушка поднялась ни свет ни заря. Торопит:

— Ну, приготовился?

— Я давно готов.

— А где вёдра? Куда коромысло широкое подевали? Где совок?

Ничего я не понимаю... Зачем нужны вёдра и коромысло? Не за водой же бабушка собралась!

А бабушка побежала в сени, гремит чем-то. Принесла два самых больших ведра, потом коромысло, потом длинный страшный совок с зубьями.

Это-то страшилище для чего?!

— Идём, — говорит бабушка.

Обиделась, что я ничего не приготовил...

Но откуда же, откуда мне знать, что в нашей деревне клюкву вёдрами носят? И не руками собирают, а зубастым деревянным совком.

Откуда мне знать, что клюквы на болоте видимо-невидимо? Моховые кочки на болоте будто киселём облиты. Все красные!

Проведёт бабушка совком, зачерпнёт ягоды с кочки — и полон мой кузовок-набирушка. Он для клюквы не годится.

Маловат...

Идём мы обратно. Качаются полные вёдра, поскрипывают дужками на коромысле. Бабушка нет-нет да и охнет...

Очень надо быть сильным, чтобы ходить у нас за клюквой!

КАРТОШКА, ЗАКРОЙ ГЛАЗКИ!

Выкопали картошку, просушили её, увезли с поля.

Но не всю.

Самые отборные картошины аккуратно разложили на чистой песчаной площадке.

Лежит картошка, загорает на слабом осеннем солнышке. Загар у неё особенный — делается картошка золотисто-зелёной.

Её осторожно поворачивают, чтобы загорела ровненько со всех сторон.

Ведь загар полезен для здоровья!

Этой картошке лежать в погребе до следующей весны. Отборную эту картошку оставили на семена.

Ей нельзя болеть.

Вот загорит она хорошенько и тогда не загниёт, не заплесневеет, не сморщится. Не тронут её мыши.

Проспит здоровым сном до будущей весны.

ПЕРЕДВИНЬТЕ ЁЛКУ!

Прикатил на берег озера грузовик. Я сначала думал — метелки привезли. Навалена в машину целая гора прутьев.

А это будущий лес привезли.

И сегодня все в нашей деревне вышли сажать его. Старики сажают, и молодёжь, и мальчишки с девчонками.

А учитель Сергей Степанович командует — где должны быть рябины, где клёны, где берёзки.

— Нет, нет! Это вы близко посадили! Тесно деревьям!

Или говорит:

— Смотрите, вот эта ёлка совершенно заслоняет липу. Передвиньте ёлку, иначе липа страдает!

А ёлка-то — чуть побольше зубной щётки.

А липа — как хлыстик.

И никто никого не заслоняет, и никто никому не мешает. От ёлки до липы надо бегом бежать...

Мне смешно стало, что Сергей Степанович так говорит. А потом я догадался, что учитель видит сейчас не хлыстики, не прутьики.

Он весь будущий лес видит.

Уже выросший, уже густой, с макушками до небес.

Ходит по этому лесу Сергей Степанович и, как волшебник в кино, передвигает громадные берёзы и ёлки.

ЛЕТО ЗАДЕРЖАЛОСЬ

В школе, которую строил отец, днём учимся мы, ребяташки.

А вечером учатся взрослые.

Допоздна горят у школы яркие фонари. А под фонарями молоденькие клёны шелестят.

И вот чудеса: не облетают клёны!

Берёзы на улицах стоят голые, рябины в палисадниках голые. Со всех деревьев осень оборвала листья.

Только зимние дубы не разделись, но они никогда не раздеваются. И листва у них высохшая, мёртвая.

А у молоденьких клёнов — живая!

— Клёны, что с вами за чудеса происходят?

— Над нами фонари, как солнышко!

— Нам светло ещё!

— Нам тепло!

Горят яркие фонари.

Красуются клёны в расписных листьях.

Задержалось лето у нашей школы.

ХОРОШАЯ СЧИТАЛКА

Когда Санькин отец работает где-нибудь в поле, он любит приговаривать:

— Уродись-ка хлеб с оглоблю, а картошка — с колесо!

Это присказка у него такая.

Чтобы, значит, вырос небывалый урожай.

Чтобы хлебные колосья вымахали с оглоблю, а картошка получилась бы величиной с тележное колесо...

Однажды мы собрались на улице, играем в прятки. Выбираем, кому водить. И вдруг Санькина сестра, маленькая совсем девчонка, возьми да и скажи такую считалку:

Уро-дись-ка хлеб

С оглоб-лю,

А кар-тош-ка —

С коле-со!..

Маленькая-маленькая, а какую славную считалку нашла!

